

ПОСЛЕДНИЙ СПАРТАНЕЦ

ВИКТОР
ПОРОТНИКОВ

РАЗГРОМИТЬ
КСЕРКСА!

300 спартанцев

Виктор Поротников

**Последний спартанец.
Разгромить Ксеркса!**

«Яуза»

2014

УДК 82-311.6
ББК 63.3

Поротников В. П.

Последний спартанец. Разгромить Ксеркса! / В. П. Поротников — «Яуза», 2014 — (300 спартанцев)

Он один выжил из 300 спартанцев, будучи отправлен царем Леонидом за подмогой накануне Фермопильской битвы. Он предан на родине позору и бесчестию, получив постыдное прозвище Аристодем-Трус, – ведь девиз Спарты: «Не отступать! Не сдаваться! Со щитом или на щите!» И теперь он должен смыть вину кровью в сражениях при Артемисии, Саламине и Платеях, чтобы вернуть себе воинскую честь вместе с правом носить красный спартанский плащ и щит с гордой буквой Л.НОВЫЙ исторический боевик к премьере фильма «300 спартанцев: Расцвет империи»! История не закончилась со смертью царя Леонида и его воинов! Война против Ксеркса продолжается!

УДК 82-311.6
ББК 63.3

© Поротников В. П., 2014
© Яуза, 2014

Содержание

Часть первая	5
Глава первая. Еврибиад и Фемистокл	5
Глава вторая. Нырлящик Скиллий	12
Глава третья. Битва на закате	17
Глава четвертая Шторм	22
Глава пятая. Подвиги Еврибиада	27
Глава шестая. Битва на рассвете	32
Глава седьмая. Аброник, сын Лисикла	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Виктор Петрович Поротников

Последний спартанец. Разгромить Ксеркса!

Часть первая

Глава первая. Еврибиад и Фемистокл

В это утро военачальники гурьбой пришли к палатке Фемистокла, афинского наварха. Фемистокл вышел к ним, прервав свою утреннюю трапезу. От него пахло оливковым маслом и чесноком.

– Приветствую вас, друзья! – сказал Фемистокл, затягивая широкий кожаный пояс на своей талии. На нем был лишь короткий хитон из мягкой шерстяной ткани, а на ногах грубые военные сандалии с длинными ремнями, опутавшими его плотные икры крест-накрест. – Что стряслось? Чем вы так рассержены?

Военачальники заговорили все разом, перебивая друг друга. Их громкие голоса звучали с нескрываемым раздражением. Обступив Фемистокла, навархи изливали ему свою злость на спартанского полководца Еврибиада, вспыльчивость и грубость которого, по их мнению, просто невыносимы!

– Еврибиад позволяет себе оскорблять нас в лицо, словно мы рабы, а не свободные люди, – молвил мегарец Эоситей. – Я и мои люди не желаем с этим мириться!

– Еврибиад повсюду ходит с палкой и колотит ею за малейшие провинности не только гоплитов и матросов, но и стратегов, – вторил Эоситею кеосец Антимах. – Да что там провинности! Еврибиад может ударить палкой просто за косой взгляд или за слишком смелое слово.

– Еврибиад не считается с нашим мнением, – возмущался эвбеец Клеад. – Любой совет с нашей стороны вызывает у него презрительную реакцию. Клянусь Зевсом, Еврибиад мнит о себе слишком много!

– Спартанцы прислали в общеэллинский флот всего-то десять триер, а ведут себя так, словно от их участия в грядущих сражениях на море зависит судьба Эллады! – фыркнул сикионец Феокид. – Еврибиад не понимает, что ему не по заслугам досталась власть верховного наварха, но по уговору спартанских властей с афинянами. Еврибиад столько же смыслит в морской тактике боя, сколько я смыслю в персидском языке!

Хор одобрительных голосов тут же поддержал Феокиду.

– По совести говоря, у афинян больше прав на верховное командование, – заявил Эоситей, – ведь Афины выставили двести триер, больше чем любое из греческих государств. Будет справедливо, если наш флот возглавит кто-нибудь из афинских стратегов. Хотя бы ты, Фемистокл. Надо собрать войско и поставить этот вопрос на голосование!

И вновь зазвучали одобрительные реплики военачальников. Все они знали обходительность Фемистокла, его ораторский талант и полководческий дар. Ведь благодаря настойчивости и прозорливости Фемистокла афиняне имеют ныне самый сильный флот в Греции. Благодаря искусной дипломатии Фемистокла эллины сумели объединиться в союз, дабы сообща противостоять нашествию персов, которые уже захватили Фракию, Македонию и Фессалию. Полчища Ксеркса стоят теперь у горного прохода Фермопилы, где их удерживает небольшое эллинское войско во главе со спартанским царем Леонидом.

Дабы не допустить персидский флот в Локридский залив, на северном побережье которого расположен стан Ксеркса, общегреческий флот подошел к северной оконечности острова

Эвбея. Здесь, у мыса Артемисий, греческие флотоводцы собирались дать сражение флоту персидского царя.

Фемистокл постарался утихомирить страсти.

– Я сейчас же разыщу Еврибиада и поговорю с ним, – сказал он. – Согласен, что его грубость переходит все границы. Однако смещать Еврибиада с его должности именно сейчас, полагая, крайне неразумно. Спартанцы не смирятся с этим, они отзовут свои корабли из общегреческого флота. Следом за спартанцами уйдут суда коринфян и эгинцев, их преданных союзников. Этот раскол в наших рядах будет лишь на руку Ксерксу.

По шумев еще какое-то время возле палатки Фемистокла, военачальники разошлись каждый к своим станам, которые были разбросаны вдоль низкого морского берега. Палатки воинов и гребцов прятались в тени деревьев, а совсем рядом с ними стояли длинными рядами многовесельные боевые суда, вытянутые на сушу.

Стан спартанцев располагался рядом с палатками коринфян и эгинцев.

Стоявшие на страже лакедемоняне сообщили Фемистоклу, что Еврибиад около часа тому назад ушел из лагеря на гору Телефрию, желая взглянуть с высоты на противоположный берег Эвбейского пролива, где находятся стоянки персидских кораблей. Вместе с Еврибиадом на горную вершину ушли Адимант, военачальник коринфян, и Поликрит, наварх эгинцев.

Фемистокл поспешил к извилистой козьей тропе, ведущей на вершину горы. Ему вдруг тоже захотелось своими глазами узреть флот Ксеркса на другой стороне широкого пролива. По слухам, у персидского царя в пять раз больше судов, чем у греков, собравшихся противостоять ему. Персидские корабли весь вчерашний день длинными вереницами втягивались в Эвбейский пролив, двигаясь вдоль полуострова Магнесия. Греческие дозорные на острове Скиаф вели подсчет вражеских судов, передавая свои сведения на Эвбею с помощью сигнальных огней. Судя по этим подсчетам, у персов имелось больше тысячи триер, не считая грузовых кораблей.

Гора Телефрия, господствуя над мысом Артемисий, отгораживала своими лесистыми отрогами северный берег острова Эвбея от его внутренних областей, изрезанных невысокими горными хребтами и узкими долинами. Склоны горы были покрыты густым лиственным лесом и зарослями дикого орешника.

В лесу царила прохлада, в ветвях лип и дубов звонко щебетали птицы. Широкая тропа была укрыта тенью от нависавших над ней могучих крон, сквозь которые не мог пробиться ни один луч солнца. Под ногами Фемистокла шуршала сухая прошлогодняя листва. Эта тропа была проложена местными пастухами, издавна гонявшими коз на высокогорные луга. В одном месте торопливые шаги Фемистокла спугнули несколько серн, которые коричнево-желтыми тенями мелькнули среди деревьев, уносясь в глубь чащи. Топот маленьких копыт быстро растворился в шуме листвы, колыхаемой ветром, и в несмолкаемом птичьем гомоне.

Вершина горы Телефрии представляла собой узкую седловину, покрытую травой, с двумя конусообразными известняковыми пиками по краям. Расстояние между этими скалистыми утесами было не меньше трехсот шагов. В стародавние времена, когда на Эвбее жили легендарные абанты, на вершине Телефрии, обдуваемой всеми ветрами, стояло поселение этого древнего племени. Следы селения в виде полуразрушенной башни и фундаментов домов, заросших травой и барбарисом, были видны и поныне.

Возле руин каменной башни Фемистокл еще издали приметил красную хламиду Еврибиада и серые плащи его спутников. Неподалеку на круглой площадке из плоских камней лежали тонкие обгорелые стволы срубленных кленов и ясеней, покрытые еще горячим дымящимся пеплом. Это были остатки сигнального костра, с помощью которого эллинские дозорные на Эвбее сообщались с греческими наблюдателями на острове Скиаф. Ночью афинские триеры забрали со Скиафа эллинских лазутчиков, так как на этот остров вот-вот должны были высадиться персы.

– А вот и Фемистокл пожаловал! – Поликрит дружелюбно протянул руку подошедшему афинянину. – Привет тебе, друг мой!

Фемистокл крепко стиснул пальцами локоть эгинского наварха, одновременно ощутив такое же сильное пожатие на своем правом локте. В те времена мужи, равные по рождению, совершали рукопожатие не ладонью в ладонь, а локтем к локтю.

Еврибиад и Адимант, обернувшись, тоже поприветствовали Фемистокла, но без малейшего дружелюбия в голосе.

– Взгляни туда, Фемистокл! – сердито обронил Адимант, указав рукой на видневшиеся вдалеке скалы полуострова Магнесия, возле которых вдоль песчаных пляжей и небольших бухт в несколько рядов стояли корабли персидского флота. – Взгляни на этот лес мачт и скажи нам откровенно, смогут ли наши двести восемьдесят кораблей победить эту вражескую армаду! Ты не верил донесениям наблюдателей с острова Скиаф, так, может, теперь ты согласишься своим глазам!

– И впрямь, Фемистокл, любопытно узнать твое мнение, – сказал Еврибиад. – На военных советах ты так ловко раскладываешь на столе бобы, изображающие наши и персидские триеры, с таким азартом объясняешь, как нам следует действовать против троекратно превосходящих сил врага... Однако выясняется, что флот Ксеркса не втрое, а вдесятеро превосходит наш флот.

Отсюда, с горной вершины, Эвбейский пролив показался Фемистоклу не таким уж и широким, каким он виделся ему с палубы корабля. Оказалось, что и цвет морской воды с высоты птичьего полета имеет далеко не одинаковый оттенок. Ближе к суше море серебрится голубоватой лазурью, а вдалеке, возле острова Скиаф, морские волны имеют цвет темного ультрамарина. Там, где торчат верхушки подводных скал, разбиваются пенные валы, а над мелководьем морская вода кажется зеленоватой дымкой или светлым пятном, покрытым рябью из маленьких волн.

Горный кряж на полуострове Магнесия казался голубым, сливаясь с синим безоблачным небом. На фоне горных склонов и белой прибрежной полосы многочисленные суда персов были прекрасно различимы. Сотни и сотни кораблей стояли бортом к борту на якоре или прикнувшись носом в низкий берег.

– Вполне возможно, что флот Ксеркса вдесятеро превосходит наш флот, – промолвил Фемистокл после долгой паузы, во время которой он внимательно вглядывался в противоположный берег Эвбейского пролива, занятый врагом. До него было около восьмидесяти стадий. – Но это не означает, друзья мои, что мы должны уйти отсюда без сражения. Этот пролив не настолько широк для того, чтобы персидские навархи смогли развернуть здесь в боевой порядок все свои суда. Мы же без труда сможем это сделать. К тому же нам ведомы все здешние рифы и мели. Мы же у себя дома, а варвары – гости незваные.

Фемистокл посмотрел на Поликрита и Адиманта, затем перевел взгляд на Еврибиада, за которым в любом случае оставалось последнее слово как за верховным навархом всего греческого флота. На суровом загорелом лице Еврибиада с прямым носом и низкой линией бровей Фемистокл не заметил той внутренней решимости дать бой персам, какая проступала во взгляде его светло-голубых глаз еще вчера и позавчера. Было видно, что тяжкие сомнения одолевают Еврибиада, который, как гражданин Спарты, не страшится опасности и смерти, но, как человек честолюбивый, не желает погибнуть бесславно.

«Похоже, Адимант и Поликрит уже напели Еврибиаду, что с нашими силами флот Ксеркса неодолим даже в узком Эвбейском проливе, – промелькнуло в голове Фемистокла. – Тем более что сделать это нетрудно, ведь Еврибиад плохо разбирается в морской тактике. До этого Спарта никогда не вела войн на море».

Для своих пятидесяти лет Еврибиад выглядел очень молодо. Он был высок и статен, с мускулистыми руками и жилистой шеей. У него были довольно резкие черты лица из-за острых скул, крупных надбровных дуг и заметно выступающей вперед широкой нижней челюсти.

Свои длинные светлые волосы Еврибиад перетягивал на лбу узкой повязкой. У него имелась небольшая бородка, но отсутствовали усы, поскольку мужчинам в Спарте ношение усов было запрещено законом. Под правым глазом у Еврибиада имелся шрам в виде серпа, другой шрам наискось пересекал его высокий лоб прямо над левой бровью.

Одет Еврибиад был в короткий льняной хитон, подпоясанный широким ремнем с висящим на нем мечом, и красный военный плащ-хламиду. На ногах у него были сандалии из толстой бычьей кожи.

– Сражаться, конечно, придется, – хмуро произнес Еврибиад. – Об отступлении не может быть и речи. Ведь наш флот прикрывает с моря эллинское войско, стоящее в Фермопилах против полчищ Ксеркса. Наша первейшая задача не допустить персидские корабли в Локридский залив. Ведь тогда варвары смогут миновать Фермопилы по морю и окружить греческий отряд во главе с царем Леонидом.

Фемистоклу было известно, что Еврибиад получил приказ из Спарты всеми средствами препятствовать проникновению персидских кораблей в Локридский залив. От этого во многом зависел успех сражения между греками и персами в Фермопильском проходе. Власти Лакедемона надеялись на то, что безуспешные попытки персов пробиться через Фермопилы в Среднюю Грецию вынудят Ксеркса повернуть назад и возвратиться в Азию. В той горной бедной местности, куда забралось персидское войско, было невозможно раздобыть в достатке хоть какой-то провиант, а собственных съестных припасов у персов имелось немного. Дабы не обременять свои пешие и конные отряды излишними обозами на узких горных дорогах, Ксеркс распорядился погрузить большую часть продовольствия на грузовые суда. Об этом афинян и спартанцев известили фессалийцы, земли которых персы изрядно опустошили перед тем, как двинуться на Срединную Элладу.

– Коль морской битвы нам не избежать, тогда нашему флоту нужно отступить за Гемейские скалы, в самую узкую часть Эвбейского пролива, – сказал Адимант, махнув рукой в западном направлении. – Там-то мы сможем биться с варварами на равных. Ни окружить, ни обойти с флангов наши корабли персы не смогут: береговые кручи и прибрежные мели не позволят им этого.

– Верно! – поддержал коринфянина Поликрит. – Близ Гемейских скал мы сможем выстроить наши триеры в несколько рядов от берега до берега, закупорив ими пролив. Персам придется наступать на нас в лоб, неся большие потери.

На лицо Фемистокла набежала мрачная тень.

– Не забывайте, что в том месте Эвбейского пролива нет ни одной удобной бухты для стоянки кораблей, – заметил он. – Допустим, наш флот отразит натиск персидских кораблей днем, но куда нашим триерам деваться ночью? Не стоять же им в боевом строю и в темное время суток. Воинам и гребцам надо будет отдохнуть.

– Если персы отступят, значит, и у наших кораблей появится возможность стать на якорь у мыса Артемисий, – сказал Еврибиад.

– Персидские навархи первым делом захватят побережье у Артемисия, если наш флот уйдет отсюда, – промолвил Фемистокл. – И конечно же, персы займут своими кораблями все бухты на противоположном берегу пролива. Не следует принимать вражеских полководцев за глупцов, друзья.

– Так что же ты предлагаешь? – с вызовом в голосе обратился к Фемистоклу Адимант.

Фемистокл не успел ответить Адиманту. С морского побережья, где на отмелях стояли греческие триеры, вдруг раздались сигналы боевых труб, объявляющие тревогу.

– Похоже, друзья, худшее все-таки случилось! – мрачно обронил Поликрит. – Не теряя времени даром, персы решили напасть на наш флот.

– Но ведь персидские корабли по-прежнему стоят на якоре у побережья Магнесии, – недоумевающе пробормотал Еврибиад, оглядывая море из-под ладони, дабы его не слепили солнечные лучи. – Ничего не понимаю! Кто там внизу сигналил тревогу?

– В самом деле, что происходит? – проворчал Фемистокл, разглядывая синюю гладь Эвбейского пролива, на котором не было заметно ни одного вражеского судна. – Почему афинские триеры отчаливают от берега?

– Смотрите! – Адимант указал рукой в сторону Скиафа. – Видите, от острова к мысу Артемисий идут под парусами две вереницы судов. Судя по очертаниям носовых штевней, это явно азиатские корабли. К ним-то и направляются афинские триеры.

Правота Адиманта очень скоро подтвердилась. Пятнадцать кораблей, шедших на всех парусах от острова Скиаф, при виде афинских триер, надвигающихся на них, сбились в кучу, с них посыпались горящие стрелы.

Сорок афинских триер, действуя быстро и слаженно, окружили вражеские корабли, взяв их на абордаж. Сражение продолжалось не более полчаса.

Видя, что победоносные афинские триеры возвращаются обратно к мысу Артемисий, таща на буксире захваченные вражеские суда, Фемистокл чуть ли не бегом устремился вниз по тропе к подножию горы. Следом за ним поспешили и трое его собеседников, придерживая на бегу полы плащей и мечи, висящие на поясе.

Оказалось, что приказ афинским морякам о выходе в море отдал стратег Мнесифил. Если Фемистокл похвалил Мнесифила за быстроту действий и умелое руководство афинскими кораблями в сражении, то Еврибиад набросился на него с упреками. Еврибиаду не понравилось то, что Мнесифил вывел триеры в море без его приказа.

– Твоя палатка была пуста, уважаемый, – оправдывался Мнесифил перед Еврибиадом. – Разыскивать тебя не было времени. Наш дозорный корабль заметил движение вражеских судов к мысу Артемисий. Нужно было срочно принимать решение. Медлительность на войне недопустима! Я думаю, всякому спартанцу это хорошо известно.

Из всех афинских навархов Мнесифил был настроен особенно непримиримо к Еврибиаду, коего он считал грубияном и невеждой. Мнесифил, знающий наизусть почти всю «Илиаду», частенько в спорах с Еврибиадом позволял себе отвечать ему стихами Гомера. Это злило Еврибиада, который не мог похвастаться своей начитанностью. Еще Еврибиада уязвляло то, что Мнесифил прекрасно умеет командовать в сражении как одним кораблем, так и большим отрядом триер.

Лишь благодаря вмешательству Фемистокла перепалка между Еврибиадом и Мнесифилом не переросла в крупную ссору.

Шагая к своему шатру, Мнесифил с нарочитой громкостью цитировал слова Нестора из «Илиады»:

*В прежние годы с мужами отважней тебя говорил я;
Даже они никогда увещаний моих не гнушались.
Ибо подобных мужей я не видел и вновь не увижу...*

Еврибиад удалился в свою палатку весь красный от еле сдерживаемого гнева. Фемистокл посчитал этот момент подходящим для того, чтобы побеседовать с Еврибиадом о его деспотизме в общении с воинами и стратегами из стана афинян и их союзников. К коринфянам и эгинцам Еврибиад проявлял дружелюбие, ибо те были дорийского племени, как и спартанцы. Афиняне же вместе с эвбейцами и кеосцами относились к ионийскому племени. В далеком прошлом, когда греческие племена только-только пришли на Балканский полуостров, между дорийцами и ионийцами не раз случались войны из-за более плодородных земель. Ионийцы большей частью были вытеснены дорийцами с материковой Греции в Малую Азию и на ост-

рова Эгеиды. Лишь афинянам удалось выстоять под натиском воинственных дорийцев и закрепиться на полуострове Аттика.

– Если я бываю суров, а порой и жесток в общении с военачальниками, то это ради поддержания строгой дисциплины, – молвил Еврибиад, отвечая на упреки Фемистокла. – В спартанском войске царит жесточайшая дисциплина, друг мой. Благодаря этому спартанцы непобедимы на поле битвы. В объединенном эллинском флоте должен быть такой же железный порядок, иначе нам не одолеть варваров.

– Полностью с тобой согласен, Еврибиад, – сказал Фемистокл, – но не следует все же перегибать палку. Ты позволяешь себе открыто оскорблять стратегов в присутствии слуг и простых воинов, забывая при этом, что они люди знатные. И совершенно недопустимо, моему, подвергать военачальников телесным наказаниям, если дело не касается измены или бегства с поля битвы.

– Ты же сам, Фемистокл, сурово наказываешь тех афинян, кто играет в кости или пьет вино перед заступлением в караул, – возразил на это Еврибиад. – У тебя есть специальный раб, который сечет плетью провинившихся воинов. Это ли не унижение для свободнорожденных граждан!

– И все же мой раб не наказывает плетями военачальников, – заметил Фемистокл. – Я прекрасно сознаю, что аристократы и люди из народа – не одно и то же. Будет лучше, Еврибиад, если и ты станешь следовать моему примеру. Я понимаю, ты привык жить по суровым спартанским законам. Однако здесь не Спарта, а твои соратники – не илоты.

Фемистокл знал, что спартанские илоты – государственные рабы – полностью бесправны, хотя численно они в несколько раз превосходят граждан Лакедемона. Всякий спартаец имеет право подвергнуть любого илота истязаниям за какую-либо вину, а то и вовсе убить. Никакой ответственности за это спартанские граждане не несут. Более того, власти Лакедемона поощряют убийство наиболее сильных илотов спартанскими юношами, готовящимися вступить в войско.

Еврибиад заверил Фемистокла, что впредь он станет более милостив к провинившимся стратегам.

– Я больше не буду поднимать на них руку, – с кривой полу-усмешкой молвил Еврибиад, – не стану и голос повышать на этих изнеженных аристократов. Поручу это моему симбулею Динону, пусть он журит их, как малых детей, не трогая пальцем.

Симбулеем в Спарте называли помощника наварха, который был обязан неплохо знать морское дело. По этой причине в симбулеи обычно назначали кого-нибудь из периеков, живущих на морском побережье Лаконики. Периеками в Спартанском государстве называли граждан, населяющих небольшие лаконские города, подвластные Спарте, и ограниченных в правах по сравнению с коренными спартиатами. Периеков было гораздо меньше, чем илотов, но значительно больше, чем полноправных лакедемонян. Если илоты во время войны поставляли гребцов на триеры и легкую пехоту в спартанское войско, то периеки выставляли тяжеловооруженных гоплитов, занимая в боевом строю равное положение с лакедемонянами.

Еврибиад глубоко уважал Фемистокла за его изворотливый ум и красноречие, за умение давать самый верный совет и находить выход из любого затруднения. Еврибиаду было ведомо, что впадших в отчаяние афинян, получивших убийственный оракул из Дельф, именно Фемистокл убедил не склонять голову перед персами. Фемистокл дал свое толкование дельфийскому оракулу, заявив, что «деревянные стены», упомянутые в нем, которые будут «несокрушимо стоять перед варварами», это не бревенчатая стена Акрополя, но афинский боевой флот. Афиняне поверили Фемистоклу, решив сражаться с персами, хотя перед этим они собирались бежать из Аттики в Италию.

Переговоры афинян со спартацами на общегреческом съезде в Коринфе также завершились успехом благодаря красноречию Фемистокла, убедившего своих сограждан уступить

лакедемонянам главенство на суше и на море. Таким образом, военный союз Афин и Спарты породил Синедрион – объединение эллинских городов, выступивших против Ксеркса. Синедрион объявил войну и тем государствам Эллады, которые дали персам землю и воду в знак своей покорности.

Глава вторая. Ныряльщик Скиллий

Во флоте Ксеркса не было ни одного персидского корабля, поскольку персы отнюдь не являлись морским народом. По персидским поверьям, соленая морская вода есть порождение злого бога Ангро-Майнью, который борется за власть над миром с добрым божеством Ахурамаздой. По этой причине персы предпочитали плавать на лодках по пресноводным рекам и озерам, созданным светлыми богами-язата. Морских путешествий персы старались избегать, страшась козней Ангро-Майнью.

При царе Дарии, отце Ксеркса, держава Ахеменидов завоевала не только глубинные земли Азии, но и вышла к берегам Красного и Средиземного морей. После подавления восстания азиатских греков под властью персов оказались многие острова Эгейды и Пропонтиды. Персам волей-неволей пришлось осваивать искусство мореплавания. Персы не имели навыков в строительстве быстроходных морских судов, и все же им удалось создать сильный боевой флот.

Дарий был мудрым царем. Он привлек к строительству флота те из покоренных персами народов, у которых имелся опыт кораблестроения и морской торговли. Таким образом, военный флот Персии создавался усилиями египтян, финикийцев, карийцев, киликийцев и прочих племен, живущих на побережье Малой Азии. Все эти народы не только строили корабли, но и поставляли обученные команды для управления ими. Персы если и поднимались на палубу судов, то лишь за тем, чтобы добраться с материка до какого-нибудь острова или же принять участие в абордажной схватке во время морского сражения. Грести веслами и управляться с парусами персы не умели и не стремились этому учиться. Морская стихия по-прежнему пугала персов, которые издревле славилась как превосходные конники и лучники.

Потому-то среди пленных азиатов, захваченных Мнесифилом во время скоротечной морской стычки, персов оказалось совсем мало. Основную массу пленников составляли карийцы и греки с острова Кипр. Главным среди пленных военачальников был перс Сандок, а его помощниками являлись кариец Аридолис из города Алабанды и эллин Пенфил, сын Демоноя, из кипрского города Пафос.

Эту троицу привели в палатку Еврибиада, который пожелал сам допросить их. При допросе было позволено присутствовать Фемистоклу, Адиманту, Поликриту и симбулею Динону.

Еврибиад увидел персов воочию второй раз в своей жизни. Первая встреча Еврибиада с персами случилась десять лет тому назад. В ту пору великий царь Дарий, собираясь захватить Грецию, отправил своих послов во все эллинские государства с требованием земли и воды. Дариевы послы добрались и до Лакедемона. Еврибиад хорошо запомнил тот день, когда два персидских посла и их толмач предстали перед спартанскими эфорами и старейшинами. Впрочем, разговаривал с посланцами Дария спартанский царь Клеомен, и беседа у них получилась короткая.

Будучи человеком жестоким и вспыльчивым, Клеомен приказал своим телохранителям бросить персидских послов в колодец. «Пусть они возьмут там землю и воду!» – добавил при этом Клеомен.

Немногие из спартанской знати тогда возмутились этим поступком Клеомена, нарушившего древний обычай неприкосновенности послов. Большинству спартанских граждан пришлось по душе жестокость Клеомена. Наглость Дариевых послов задела лакедемонян за живое. Среди тех, кто одобрял поступок Клеомена, был и Еврибиад.

Десять лет назад персы предприняли первую попытку завоевать Элладу, их войско высадилось в Аттике, преодолев на кораблях Эгейское море. Во главе этого войска стояли Артафрен, племянник Дария, и военачальник Датис. Афиняне и союзные им платейцы сумели раз-

бить варваров в битве при Марафоне, еще до подхода спартанского войска. Персы бежали на свои суда и убрались восвояси.

Ныне царь Ксеркс, сын Дария, сам привел свои полчища в Европу, желая отомстить грекам за позор своего отца.

Сидя на стуле возле шеста, поддерживающего холщовый верх палатки, Еврибиад с надменной неприязнью на лице разглядывал пленников, стоящих перед ним. С них были сняты шлемы, панцири и пояса. Аридолис и Пенфил были одеты в короткие хитоны. Оба глядели себе под ноги, не смея встречаться взглядом с Еврибиадом.

Сандок же, напротив, держался с вызывающей дерзостью. Он стоял с гордо поднятой головой, взирая на Еврибиада с презрительной усмешкой.

Разглядывая Сандока, Еврибиад вспоминал Дариевых послов, утопленных в колоде по приказу Клеомена. Те тоже держались вызывающе, их длинные бороды были окрашены в яркий цвет и завиты мелкими колечками, завиты были и их черные волосы.

Сандок был облачен в цветастые штаны, перетянутые ремнями крест-накрест, короткий светло-желтый кафтан с широкими рукавами, похожими на крылья птицы. На ногах у него были башмаки из мягкой кожи с загнутыми носками. Завитая борода Сандока была выкрашена хной. Длинные волосы знатного перса были тщательно расчесаны, ложась ему на плечи несколькими рядами мелко завитых колечек.

– Рассказывай, мерзкий ублюдок, каково число кораблей во флоте твоего царя, – обратился к Сандоку Еврибиад. – И не вздумай лгать! Помни, от твоей правдивости зависит, умрешь ты или будешь жить.

Сандок свободно говорил по-гречески, поэтому Еврибиад разговаривал с ним без толмача.

– Не пугай меня смертью, спартанец. – Сандок величавым жестом сложил руки у себя на груди. – Я – воин, поэтому всегда готов умереть. Что касается твоего вопроса, знай: у Ксеркса тысяча двести боевых кораблей и еще пятьсот грузовых.

– Лжешь! – громко возразил Фемистокл, поднявшись со скамьи и шагнув к Сандоку. – Два дня тому назад во время сильного шторма у Пелионских скал потонуло много ваших судов. Не пытайся это отрицать, перс. Рыбаки с острова Скиаф поведали нам, что все побережье у Сепиадского мыса завалено обломками персидских кораблей. Ну, сколько ваших судов разбилось о рифы во время той недавней бури?

По смуглому горбоносому лицу Сандока промелькнула тень досадливого раздражения.

– Я не знаю точного числа потонувших кораблей, поскольку находился в арьергарде, далеко от Пелионских скал, – ответил он. – По слухам, буря уничтожила около двухсот наших судов.

– В том урагане погибло не меньше четырехсот кораблей, – негромко вставил пафосец Пенфил. – Я был свидетелем всего этого ужаса. У меня под началом было двенадцать триер, вышедших из Пафоса и примкнувших к флоту Ксеркса. Так вот, одиннадцать триер пошли на дно близ Сепиадского мыса, когда с севера налетел сильный шквал. Уцелела лишь триера, на которой находился я сам.

Бросив на Пенфила гневный взгляд, Сандок стал похож на человека, которому наступили на большую мозоль.

– Друг мой, – обратился к Пенфилу Фемистокл, – а известно ли тебе, что случилось с тремя нашими триерами, которые несли дозор в проливе между Скиафом и полуостровом Магнесия? Они исчезли так внезапно, хотя море в последние два дня было спокойным.

– Их настигли корабли финикийцев и потопили, – ответил Пенфил. – Насколько мне известно, эти три триеры были из разных городов. Одна была из Афин, другая с Эгины, а третья из Трезена...

– Совершенно верно, – пробормотал Фемистокл, печально покачав головой.

– Весь ваш флот ожидает та же участь! – воскликнул Сандок, переводя взгляд с Фемистокла на Еврибиада. – Глупцы, неужели вы надеетесь победить царя царей! Ваш флот ничтожно мал, чтобы его уничтожить, вполне достаточно одних финикийцев, которые имеют триста триер.

– Тебя же мы разбили, Сандок, – проговорил Фемистокл, вновь садясь на скамью рядом с Адимантом и Поликритом, – разобьем и финикийцев, вот увидишь.

– Кстати, Сандок, почему ты столь опрометчиво ринулся к нашей стоянке, имея всего пятнадцать кораблей? – поинтересовался Поликрит. – Неужели ты рассчитывал победить нас такими малыми силами?

– Я совершил ошибку, приняв ваши корабли у мыса Артемисий за флот Ксеркса, – хмуро обронил Сандок. – Когда я разобрался, что к чему, было уже поздно. Ваши триеры отрезали пути отхода моим судам.

– На войне случается всякое, – сказал Адимант с ехидцей в голосе. – Согласись, Сандок, твое поражение и недавний штормовой шквал хоть немного, но ослабили флот царя царей.

Сандок мрачно промолчал, ничего не ответив Адиманту.

Еврибиад вызвал стражу, повелев увести пленников.

– Итак, весь флот Ксеркса находится на другой стороне Эвбейского пролива, примерно в восьмидесяти стадиях от нашей стоянки. – Такими словами симбулей Динон открыл военный совет, расстелив на столе пергамент с изображенными на нем проливами и островами, примыкавшими к Срединной Элладе. – Даже после всех недавних потерь вражеский флот намного сильнее нашего флота.

– Многочисленнее, но не сильнее, – сделал поправку Фемистокл.

– К чему эти риторические обороты? – Адимант бросил холодный взгляд на Фемистокла. – Можно сколько угодно рассуждать о боевом духе наших воинов, однако это не увеличит число наших кораблей. Вот если бы афиняне привели к Артемисию все свои триеры, это стало бы для нас существенным подспорьем.

– Действительно, Фемистокл, почему из двухсот афинских триер в Эвбейский пролив пришло лишь сто двадцать семь? – спросил Поликрит. – Где же остальные афинские корабли?

– Сборы в поход были очень поспешными, поэтому мои сограждане просто не успели снарядить весь наш флот, – ответил Фемистокл. – Но будьте уверены, друзья, афинские триеры, задержавшиеся в Пирее, скоро придут сюда.

– Пока к нам не подошло подкрепление, нашему флоту не следует выходить в море и вызывать персов на битву, – промолвил Динон. – Таково мое мнение.

Динон взглянул на Еврибиада, ожидая, что он скажет.

– Согласен, – сказал Еврибиад. – Если мы сейчас затеем сражение, то вражеские корабли задавят нас числом. Надо усилить наблюдение за врагом. Как только варвары снимутся с якоря, нашему флоту надо будет спешно отступить в узкую часть Эвбейского пролива. Только там мы сможем биться с флотом Ксеркса на равных.

– Непонятно, почему персидские навархи медлят с нападением на наш флот? – задумчиво произнес Адимант, тыча пальцем в карту. – У персов имеются все возможности для того, чтобы прижать наши корабли к берегу и уничтожить.

Повисла долгая пауза. Никто из присутствующих на совете не знал, что ответить Адиманту, но каждый мысленно страшился именно такого развития событий.

Наконец симбулей Динон промолвил:

– Я думаю, персидские навархи поджидают отряд кораблей Сандока, которые шли замыкающими. Вряд ли персидским флотоводцам ведомо о том несчастье, в какое угодил Сандок по собственной беспечности.

Еврибиад согласился с предположением Динона, имевшим определенный резон. Эта медлительность персидских навархов радовала Еврибиада. И он не скрывал этого.

* * *

После полудня, когда спала жара, Еврибиад отправился взглянуть на захваченные Мнесифилом вражеские корабли, выгашенные на берег возле стана афинян. Здесь Еврибиада разыскал слуга Фемистокла, сообщивший ему о перебежчике из стана персов.

Еврибиад чуть ли не бегом устремился к палатке Фемистокла. Там уже собрались все афинские военачальники. Еврибиаду почтительно уступили место рядом с Фемистоклом, который, сидя на табурете, разговаривал с темноволосым худощавым незнакомцем, закутанным в плащ. Внешность незнакомца выдавала в нем эллина.

– Познакомься, это Скиллий, сын Исхолая, самый знаменитый пловец и ныряльщик в Греции, – сказал Фемистокл Еврибиаду. – Скиллий родом из Сикиона. Полагаю, ты слышал о нем?

– Не только слышал, но и встречался с ним в Коринфе на Истмийских играх, – не без гордости в голосе отозвался Еврибиад, обменявшийся со Скиллием рукопожатием.

– Скиллий пребывал в Фессалии по своим делам, когда туда нагрянули полчища Ксеркса, – продолжил Фемистокл. – Желая поскорее добраться до дома, Скиллий сел на проходящее торговое судно. На подходе к приморскому городу Мелибее корабль, на котором находился Скиллий, угодил в шторм. Судно перевернулось вверх килем и затонуло. Скиллий сумел доплыть до берега неподалеку от мыса Сепиада. В том же месте потерпели крушение многие корабли персидского флота. Скиллий видел это своими глазами.

Фемистокл похлопал сикионца по плечу, предложив ему самому изложить свои дальнейшие приключения.

Скиллий, польщенный вниманием стольких военачальников, устроился на стуле поудобнее и повел свое повествование с того места, где он прервался с появлением Еврибиада. Дабы заслужить доверие персов, Скиллий после того, как шторм утих, стал нырять на глубину, поднимая с морского дна золотые и серебряные вещи. Вытаскивал Скиллий из воды и бочки с провиантом, и тела утонувших персов. Работы у Скиллия было очень много, поскольку ураган нанес флоту Ксеркса колоссальный урон.

В знак благодарности один из персидских навархов взял Скиллия к себе на корабль, пообещав ему встречу с Ксерксом, когда персидский флот войдет в Локридский залив.

– Я не собирался служить Ксерксу, – молвил Скиллий своим слушателям. – Я лишь выискивал момент, чтобы улизнуть от персов. Добравшись на финикийском корабле до Эвбейского пролива, я узнал от варваров, что у мыса Артемисий стоит эллинский флот. Как только предоставился случай, я сбежал из персидского стана. И вот я здесь!

Широко улыбнувшись, Скиллий допил вино из чаши, которую он держал в руке.

– Как же тебе удалось незаметно сбежать? – спросил Еврибиад.

– Я прыгнул в море и, как дельфин, долго плыл под водой, – ответил Скиллий. – Миновав сторожевые суда персов, я вынырнул и поплыл напрямик через пролив к мысу Артемисий, благо его видно издалека.

Еврибиад изумленно покачал головой, пораженный такой выносливостью Скиллия. «Недаром этого сикионца называют человек-рыба!» – подумал он.

Помимо описания своих приключений Скиллий поведал эллинским навархам, в каком порядке встали на якорь суда персидского флота вдоль побережья полуострова Магнесия. Со слов Скиллия выходило, что корабли финикийцев стоят в бухте Афеты почти напротив мыса Артемисий. Все прочие вражеские суда растянулись вдоль низкого берега от Афеты до обширного Платанийского залива. Большинство кораблей стоят на якоре, на сушу вытянуты лишь триеры, нуждающиеся в починке.

Самым же важным известием Скиллия стало упоминание им о двухстах триерах, отправленных персидскими навархами вокруг острова Эвбея с целью захода в тыл эллинскому флоту.

– Персидские военачальники хотят разом уничтожить все ваши корабли, отрезав вам пути отхода, – сказал Скиллий, вглядываясь в помрачневшие лица эллинских навархов. – По этой причине персы не нападают на вас, они ждут условного сигнала, возвещающего о том, что двести их триер обогнули Эвбею и подошли к Аталантскому проливу. Условным сигналом должны стать костры, зажженные варварами на Кенейском полуострове.

Едва Скиллий умолк, в палатке водворилось гнетущее молчание. Афинские военачальники столпились над пергаментной картой, которую Фемистокл расстелил на трехногом столе.

– Через два дня варвары будут у нас в тылу и мы окажемся в ловушке, – нарушил молчание Мнесифил, отмерив большим и указательным пальцами примерный путь вражеских триер вокруг Эвбеи. – Времени на раздумье у нас совсем мало, друзья.

– Что же нам делать? – Еврибиад с беспокойством взглянул на Фемистокла. – Отступить? Фемистокл помолчал, разглядывая карту, затем произнес:

– Завтра утром наш флот уйдет от мыса Артемисий, чтобы встретить двести персидских триер в проливе Еврип. Там мы их встретим и уничтожим! А сегодня, пока солнце не скрылось за горами, наш флот ударит по кораблям Ксеркса! – Фемистокл встретился глазами с Еврибиадом. – Персидские навархи уверены, что мы не осмелимся их атаковать, они пребывают в беспечности. Так пусть же варвары поплатятся за это!

– Клянусь Зевсом, ты прав, Фемистокл! – кивнул Еврибиад. – Решено, идем на врага!

Глава третья. Битва на закате

Перед тем как спустить корабли на воду, все греческие военачальники собрались возле палатки Еврибиада. На этом настоял Фемистокл, который начертил палкой на песке примерный план будущего сражения с персидским флотом. Понимая, что благодаря численному перевесу вражеские суда скорее всего возьмут в кольцо небольшой эллинский флот, Фемистокл предложил применить в этих невыгодных условиях единственно верный тактический маневр под названием «киклос», то есть «оборонный круг».

Этот маневр впервые придумали и применили на деле азиатские греки во время восстания против персов пятнадцать лет тому назад. Суть этого тактического приема заключалась в том, что корабли более малочисленной флотилии выстраивались в круг таранами наружу, дабы успешно противостоять таранным атакам более многочисленного флота. При этом корабли, выстроившиеся в круг, могли таранить и брать на abordаж вражеские суда, имея надежное прикрытие сзади.

Адимант не согласился с Фемистоклом, заговорив о другом тактическом маневре под названием «диекплос», то есть «разрывающий удар». Это был излюбленный тактический ход коринфян, приверженцев быстрого маневра и таранного удара. Отняв палку у Фемистокла, Адимант стал чертить на песке свою схему грядущей битвы с варварами, делая упор на многорядный строй кораблей.

Возражая Адиманту, Фемистокл сказал, что для осуществления диекплоса требуется большое мастерство от гребцов, кормчих и командиров триер. Если команды на коринфских триерах прекрасно выучены для совершения любых сложных маневров, то на многих других кораблях общегреческого флота немало новичков среди гребцов и матросов.

– Малейший сбой в боевом строю нашего флота неминуемо приведет к катастрофе! – промолвил Фемистокл. – Суда персов вклинятся в наши боевые порядки или стиснут наш флот с флангов. У персов так много кораблей, что их боевая линия непременно окажется длиннее нашей. В таких условиях диекплос приведет наш флот к гибели!

Еврибиад поддержал замысел Фемистокла, повелев Адиманту прекратить бесполезный спор. Более того, Еврибиад объявил всем военачальникам, что в случае его гибели в битве начальство над всем эллинским флотом должно перейти к Фемистоклу. Тут же был подан сигнал к посадке воинов и гребцов на корабли.

Военачальники бегом устремились каждый к своему стану.

Войдя в свою палатку, Еврибиад принялся торопливо облачаться в боевые доспехи. Ему помогали двое слуг. Нождажданно перед Еврибиадом предстал Адимант.

– Что происходит, друг мой? – в голосе Адиманта звучало возмущение. – С каких это пор ты стал следовать советам Фемистокла?

Еврибиад, закреплявший ремнями бронзовые поножи на своих коленях, поднял глаза на Адиманта и произнес:

– Сейчас не время и не место для склок и споров, дружище. Солнце садится, а нашим триерам нужно успеть до заката пересечь пролив и попытаться разбить флот Ксеркса. Ступай к своим кораблям!

На красивом лице Адиманта появилось выражение нескрываедаой досады.

– Ладно, по праву верховного наварха ты прислушался к совету Фемистокла, – проговорил коринфянин, нервно топчась на месте. – Но почему ты не меня, а Фемистокла назначил своим заместителем? Ведь я имею больший опыт в морской войне! В чем дело, Еврибиад?

– Дело в том, что у афинян триер больше, чем у коринфян, – холодно ответил Еврибиад. Он распрямился, затянув шнуровку панциря у себя на левом боку. – Все дело только в этом, друг мой.

Слуга-илот протянул Еврибиаду металлический шлем с большими нащечниками и с красным султаном из торчащих щеткой конских волос.

Видя, что Адимант не уходит, собираясь и дальше выражать свое недовольство, Еврибиад промолвил непреклонным голосом, держа шлем в руках:

– Сигнал к битве уже прозвучал, друг мой. Ты понесешь наказание, если коринфские триеры задержат выступление нашего флота. Ступай!

Сверкнув глазами, Адимант выбежал из палатки.

Багровый диск солнца, скатившийся к кромке далеких гор, вздымавшихся над Пагасейским заливом, окрасил небосклон и гряды облаков в зловещий пурпур. Потемневшее море расстиралось, подобно бескрайней равнине, перед носами эллинских триер, идущих на веслах к противоположному берегу Эвбейского пролива. Было безветренно и тихо.

Греческие триеры двигались, построившись огромным ромбом. Такое построение было удобным против внезапной вражеской атаки, а также для быстрого перестроения в круг. Острие этого боевого строя занимали афинские триеры. В основании ромба находились спартанские и коринфские корабли. Позади были сгруппированы эгинские триеры, а также корабли мегарцев, эвбейцев, трезенян, сикионян, эпидаврийцев и кеосцев. Всего на битву с персами вышли двести семьдесят одна триера и девять пентеконтер.

В отличие от триеры, число гребцов на которой составляло сто семьдесят человек, пентеконтера имела всего пятьдесят гребцов. При этом на пентеконтере палуба имела лишь на носу и на корме, а середину судна занимали сидящие вдоль бортов гребцы, не укрытые палубным настилом. На триере же палубный настил был сплошной от носа до кормы. Хотя и на триере гребцы, располагавшиеся по бортам в три яруса, тоже были не укрыты палубой.

Гребцы самого нижнего яруса назывались таламитами, их было пятьдесят четыре человека. Выше над ними сидели гребцы-зигиты, коих тоже было пятьдесят четыре. Гребцы самого верхнего яруса назывались транитами, их число достигало шестидесяти двух человек. Если таламиты и зигиты помещались ниже уровня палубы триеры, то гребцы-траниты сидели на скамейках почти вровень с палубой.

Кроме гребцов на триере имелся флейтист, задающий игрой на флейте темп людям, сидящим на веслах. Также на триере имелось больше десятка палубных матросов, обязанных управляться с парусами. При попутном ветре на мачте триеры расправляли большой прямоугольный парус. Другой парус, поменьше, обычно вывешивали на носу судна на специальной наклонной мачте с перекладиной. Старшим среди матросов являлся прорат, так назывался впередсмотрящий на корабле. Начальником над гребцами был келевст, который, в свою очередь, подчинялся кормчему, орудовавшему большими рулевыми веслами, находясь на корме судна.

Еще на триере находились воины на случай абордажной схватки, обычно число их не превышало пятнадцати человек. Среди них четверо или пятеро были лучниками, остальные имели тяжелое оружие. Общее главенство осуществлял командир триеры – триерарх.

Чаще всего эллины окрашивали свои боевые корабли в черный и красный цвета. При этом на носу триеры обязательно рисовали два глаза. Древние греки верили, что триера без глаз непременно сядет на мель или наскочит на рифы. Корма триеры сколачивалась в виде высоко задранного рыбьего хвоста, а на носу судна закреплялся длинный прочный таран, обитый медью. Таран находился под водой, чтобы наносить удар в подводную часть вражеского корабля.

Триера, на которой находился Еврибиад, была выкрашена в темно-рубиновый цвет. Носовое украшение и перила вдоль бортов блистали золотисто-желтым цветом. Глаза на носу триеры были нарисованы белой краской с круглым черным зрачком посередине. «Сатейра» – таково было название флагманской спартанской триеры, что в переводе с греческого означает «Спасительница».

Находясь на корме рядом с кормчим Фрасоном, Еврибиад напряженно вглядывался в далекий скалистый берег Магнесийского полуострова, который, постепенно надвигаясь, вырастал на глазах. Где-то там, под мрачной сенью этих скал, затаился флот Ксеркса. Скрипят снасти бойко идущих эллинских триер, тысячи весел шумно вспенивают свинцовую морскую гладь. Громко играют флейты, поддерживая ритм гребли. То и дело раздаются властные окрики кормчих и келевстов.

Еврибиад оглянулся назад. Мыс Артемисий, отдаляясь, терял четкие очертания. Прибрежный лес уже слился в неясную темно-зеленую полосу, над которой горделиво вздымалась двурогая вершина горы Телефрии.

Невеселые мысли одолевают Еврибиада. Всю свою жизнь он постигал военное искусство, сражаясь с врагами Спарты на суше. К пятидесяти годам Еврибиад выдвинулся в симфореи, это была важная и почетная должность. Симфореями в Лакедемонии называли военных советников спартанских царей. В Спарте всегда правили два царя: один из рода Агиадов, другой из рода Эврипонтидов. В войне с Ксерксом Еврибиад рассчитывал быть в сухопутном войске рядом с царем Леонидом. Однако власти Спарты постановили назначить Еврибиада верховным навархом над общегреческим флотом. Иначе как злым роком назвать этот приказ эфоров Еврибиад не мог.

Не веря в победу над несметным персидским флотом, Еврибиад мысленно прощался с жизнью, сожалея лишь о том, что его мертвое тело скорее всего не будет предано погребению, но пойдет на корм рыбам.

– А вон и неприятельские корабли показались! – произнес кормчий Фрасон. – Надвигаются, словно туча!

Еврибиад вновь обратил свой взор к скалистому побережью Магнесии, над которым разливалось багряное сияние вечернего низкого солнца. Неясная темная масса, отделившаяся от магнесийского берега, сначала показалась Еврибиаду огромной волной, надвигающейся на эллинские триеры. Через минуту глаза Еврибиада разглядели мачты и очертания кораблей, идущих на веслах. Вражеские суда шли длинными рядами, они приближались с северо-запада и с северо-востока, постепенно окружая небольшой эллинский флот. Рев вражеских труб и боевой клич персов прокатывался над морской гладью, разрывая вечернюю тишину.

Видя, что корабли варваров скоро замкнут кольцо вокруг греческих триер, кормчий Фрасон обеспокоенно бросил Еврибиаду:

– Не пора ли подать сигнал для перестроения в круг?!

Еврибиад очнулся от созерцания флота Ксеркса, заполнившего воды Эвбейского пролива, и отдал приказ трубачу.

Чистые звонкие звуки, рожденные медной спартанской трубой, пронзили свежий морской воздух, заглушая протяжный вой варваров. Эллинские триеры прекратили движение вперед, осуществляя маневр под названием «кикрос». Передовые афинские триеры образовали большой полукруг, обратив свои тараны в сторону врагов. Все прочие эллинские корабли стремительно совершили разворот на месте, образовав второй полукруг. Таким образом, всего за несколько минут эллинский флот изготавился к битве. Все греческие корабли стояли кормой к центру круга, устремив свои тараны на вражеские суда. Расстояние между бортами триер было таково, что концы их весел соприкасались друг с другом.

Еврибиад обратил внимание, что финикийские и египетские корабли гораздо крупнее всех прочих судов персидского флота. Борты у финикийских и египетских кораблей столь высоки, что брать их на абордаж с низких палуб эллинских триер не представлялось возможным.

Едва первые персидские стрелы застучали по поднятым щитам эллинских гоплитов, как на триере Еврибиада вновь протяжно загудела труба: то был сигнал к атаке.

Спартанская труба умолкла, но ни один из греческих кораблей не сдвинулся с места. Вид несметного персидского флота, охватившего небольшую эллинскую флотилию со всех сторон, сковал страхом командиров греческих триер.

Еврибиад перебежал на нос своего судна, ожидая, что сейчас начнется таранная атака. Здесь же собрались гоплиты и лучники из команды «Сатейры». Однако триера продолжала стоять в строю, поскольку кормчий не отдал приказ келевсту, а тот, в свою очередь, не повелел гребцам взяться за весла.

Ругаясь сквозь зубы, Еврибиад ринулся на корму. Прямо перед ним втыкались в палубный настил оперенные вражеские стрелы.

– Ты что, оглох или ослеп, негодяй! – рявкнул Еврибиад прямо в лицо Фрасону. – Пора атаковать врага!

– В том-то и дело, что я не ослеп! – огрызнулся Фрасон. – Если наши триеры сломают боевой строй, то все они неминуемо погибнут. Погляди, Еврибиад! Вокруг нас сотни персидских кораблей, нас просто задавят числом! Ни коринфяне, ни эгинцы, ни эвбейцы тоже не трогаются с места. В круговом построении наши триеры недостижимы для варваров.

– Так что же, нам до ночи стоять, не двигаясь с места?! – рассердился Еврибиад. – Зачем тогда наш флот вызвал персов на битву? Зачем?!

Фрасон открыл было рот, чтобы ответить Еврибиаду, но не успел это сделать. С соседних спартанских триер вдруг раздались изумленно-восхищенные возгласы. Их подхватили воины и матросы «Сатейры».

Поглядев туда, куда взирали, вытянув шеи, его стрелки и гоплиты, Еврибиад увидел, как из плотного строя афинских триер вылетел один корабль и с ходу протаранил борт вражеского судна. Заваливаясь на борт, вражеский корабль стал тонуть, с него гроздьями прыгали в воду гребцы и воины.

«Неужели это триера Фемистокла?» – было первой мыслью Еврибиада.

На выручку своему кораблю устремились сразу несколько афинских триер, кормчие на них умело лавировали, уворачиваясь от вражеских таранов. Еще через несколько мгновений все афинские корабли, ломая строй, ринулись на варваров.

Битва началась.

Следом за афинянами пошли в атаку и все прочие эллинские триеры, стремясь разорвать плотное кольцо из вражеских кораблей. Боевой клич эллинов на какое-то время заглушил воинственное завывание персов, громоздкие суда которых начали сталкиваться друг с другом при попытке разворота или выстраивания боевой линии. Тут и там раздавался громкий треск пробиваемых таранами бортов; с грохотом падали мачты и реи; трескали и ломались весла, когда суда сцеплялись бортами для абордажной схватки... Варвары никак не ожидали, что эллинские корабли осмелятся перейти в наступление. Замешательство, в каком пребывали моряки Ксеркса в самом начале сражения, дорого им обошлось. Эллинские триеры глубоко вклинились в боевые порядки персов, топя их небольшие корабли и нанося повреждения крупным судам.

Триера Еврибиада протаранила большой финикийский корабль с деревянным украшением в виде вепря на носу. К досаде Еврибиада, вражеское судно лишь накренилось, но не пошло ко дну. К тому же таран «Сатейры» застрял во чреве финикийского корабля-исполина, который был вдвое крупнее флагманской спартанской триеры.

Персидские воины, находившиеся на палубе финикийского судна, стали осыпать спартанских гоплитов и матросов стрелами, дротиками и камнями. Смертоносный дождь звенел по круглым щитам греков, грохотал по доскам палубы, косил гребцов-транитов, не имевших на себе ни шлемов, ни доспехов. Повинуясь громким окрикам келевста, гребцы на «Сатейре» дружно табанили веслами, стремясь дать триере задний ход и высвободить ее из этой неочи-

данной ловушки. Однако их усилия были бесплодны. «Сатейра» прочно застряла, пробив тараном обшивку, шпангоуты и внутренние переборки огромного вражеского корабля.

Персы начали перескакивать на палубу «Сатейры», оттесняя греков с носа триеры на среднюю часть палубы. Врагов было много, в руках у них были легкие плетеные щиты, кинжалы, топоры и короткие копья. Головы варваров были замотаны пестрыми башлыками, поверх которых возвышались либо островерхие бронзовые шлемы, либо конические войлочные шапки с плоским верхом. Свои кожаные или медные панцири персы имели обыкновение скрывать под одеждой, состоявшей из длиннополых кафтанов с бахромой, с широкими рукавами и длинными поясами.

Нападая на эллинов, персы дико кричали. В каждом азиатском племени на войне применялся свой особенный боевой клич. В войске Ксеркса находилось более полусотни различных народностей, над которыми главенствовали персидские военачальники.

Еврибиад сражался в передней шеренге. Уверенно действуя своим копьем, он заколол двоих персов. Затем копье сломалось, и Еврибиад выхватил из ножен короткий стальной меч. Какой-то чернобородый смуглый варвар в войлочном колпаке, ощерив зубы, набросился на Еврибиада с топором в руке. Еврибиад отбил своим щитом удар вражеского топора, собираясь поразить мечом в живот напавшего на него перса... Внезапно в глазах у Еврибиада потемнело. Он почувствовал, что падает куда-то вниз, что ноги не держат его, а шум сражения вдруг отлетел куда-то вдаль, превратившись в некое смутное эхо. Еще через мгновение сознание Еврибиада и вовсе погасло.

Глава. четвертая Шторм

Очнулся Еврибиад от водяных брызг, упавших ему на лицо. Открыв глаза, он обнаружил, что лежит на постели в своей палатке и на нем нет ни шлема, ни доспехов. Прямо над собой Еврибиад увидел два склоненных бородатых лица. Это были симбулей Динон и кормчий Фрасон.

– Как ты, дружище? – обратился Динон к Еврибиаду. – Ты слышишь меня?

– Слышу и вижу, – сказал Еврибиад, с трудом разлепив засохшие губы. – Чем завершилось сражение? Где моя триера?

– Цела твоя триера, друг мой, – улыбнулся Динон, присев на стул рядом с ложем. – Сражение закончилось ничем: едва стемнело, персидские корабли повернули к Магнесийскому побережью. Наши триеры тоже вернулись к мысу Артемисий.

– И все же наш флот сильно потрепал варваров! – радостным голосом вставил Фрасон. – Мы захватили тридцать вражеских судов, а потопили больше сорока.

– Каковы наши потери? – спросил Еврибиад.

– Потоплено двенадцать триер, повреждено около пятидесяти, – ответил Динон. – Спартанские триеры уцелели все до единой. – Симбулей помолчал и добавил, предупреждая очередной вопрос Еврибиада: – «Сатейра» тоже цела. К ней с кормы подошел корабль Адиманта и, зацепив ее канатами, оттащил от вражеской триеры.

– Персов, прыгнувших на палубу «Сатейры», наши воины перебили всех до одного, – промолвил Фрасон, поставив на стол чашу с водой, которую он держал в руках. – Среди гоплитов и матросов убитых нет, а вот гребцов погибло двадцать человек. В основном это гребцы верхнего ряда.

– Что со мной? – Еврибиад попытался встать с ложа.

– Тебе нужно лежать, дружище, – сказал Динон, мягко и настойчиво прижав Еврибиада к постели. – Таково распоряжение лекаря. Тебя оглушило камнем, прилетевшим с финикийской триеры. Хорошо, шлем у тебя прочный, а иначе быть бы тебе теперь в гостях у Аида.

Динон взял со скамьи шлем с красным гребнем и показал его Еврибиаду. На шлеме с правой стороны зияла большая вмятина от булыжника.

– Пить хочу, – прошептал Еврибиад, бессильно уронив голову на круглый мягкий валик, набитый шерстью.

Фрасон осторожно поднес к его губам чашу с водой.

Утолив жажду, Еврибиад прислушался. Его взгляд метнулся к Динону.

– Что это за шум?

– Ливень шумит, – ответил Динон. – Мы едва успели вытащить триеры на берег, как разыгралась непогода. Все наши люди теперь прячутся по палаткам.

– На море бушует шторм, – сказал Фрасон с легкой усмешкой на устах. – Посейдон разошелся не на шутку! Ветер дует с юго-востока, гонит большие валы через пролив прямо к стоянкам персидского флота. Нынче у варваров будет беспокойная ночь!

– Постарайся заснуть, Еврибиад, – заботливо проговорил Динон. – Тебе нужно набраться сил.

Еврибиад сомкнул тяжелые веки, натянув на себя край шерстяного одеяла. Осознание того, что небольшой эллинский флот не только не был уничтожен варварами, но и с честью вышел из неравной битвы, наполняло Еврибиада торжеством и гордостью. Бурная радость, заполнившая сердце Еврибиада, гнала от него сон.

По кожаному верху палатки стучали струи дождя, частые и хлесткие. В щель меж холщевых входных занавесок просачивался запах сырой земли и густой аромат намокшей листвы

деревьев. Где-то невдалеке грозно шумели морские волны, набегавшие на сушу и с шипением откатывающиеся назад, шурша по песку и мелкой гальке.

Еврибиад не заметил, как заснул. Ему вдруг приснился его отец Евриклид, суровый и седовласый. В свои восемьдесят с лишним лет Евриклид обладал завидным здоровьем. Он не хуже молодых воинов мог метнуть копье в цель и без труда переплывал реку Эврот, на берегу которой раскинулся город Спарта. Вот уже больше двадцати лет Евриклид заседает в герусии, спартанском совете старейшин. В герусию допускаются лишь те из граждан Лакедемона, кто ни разу не был уличен в неблаговидном поступке, кто строго соблюдает установления законодателя Ликурга и к шестидесяти годам дослужился до высших должностей в войске.

Еврибиаду снилось, что его отец вошел к нему в палатку в своем неизменном сером гиматии с красной каймой по нижнему краю, закутанный в свой любимый синий плащ.

«Ну, сын мой, рассказывай, достойно ли ты сражался с персами в недавней битве, – скрипучим голосом произнес Евриклид, – много ли вражеских кораблей ты потопил. Рассказывай все!»

Еврибиаду было стыдно перед отцом за то, что его триера так неудачно протаранила огромное финикийское судно, что в самый разгар сражения Еврибиад лишился чувств от удара камнем по голове. По сути дела, Еврибиад не успел совершить ничего героического в этом скоротечном вечернем сражении с флотом Ксеркса. Лгать и изворачиваться Еврибиад не умел, поэтому он откровенно поведал своему строгому отцу всю горькую правду.

Услышанное из уст сына заметно омрачило старика Евриклида.

«Вот уж не думал, сын мой, что ты опозоришь мои седины! – проворчал старейшина, завесив низкими бровями свои бледно-голубые глаза. – Тебе доверено начальство над общегреческим флотом, а это обязывает тебя быть храбрейшим среди всех эллинских навархов. Не умеешь достойно командовать, значит, сумей умереть достойно!»

Сновидение было столь ярким и осязаемым, что Еврибиад, пробудившись рано утром, первым делом спросил у подошедшего к нему лекаря, здесь ли еще его отец.

– Какой отец? – растерянно пробормотал лекарь, замерев с лекарственным снадобьем в руках возле ложа Еврибиада.

– Мой отец, старейшина Евриклид, – пояснил Еврибиад, приподнявшись на локте и озирая внутреннее пространство палатки, озаренное светом масляного светильника. – Я же ночью разговаривал с ним.

– Это было во сне, наварх, – участливо произнес лекарь, протянув Еврибиаду круглую глиняную чашу без ножки. – Во сне ты разговаривал не только с отцом, но и со своей женой. Я был рядом, поэтому все слышал. Выпей лекарство, наварх. Это избавит тебя от головных болей и придаст тебе сил.

Еврибиад, как ребенок, с готовностью принял целебный напиток из рук лекаря и беспрекословно выпил его. Ему очень хотелось поскорее встать на ноги, чтобы в новом сражении с варварами в полной мере проявить свою доблесть и привести эллинский флот к победе.

Еврибиад совсем не чувствовал голода, и все же лекарь принудил его отведать овсяной каши с жареным мясом. Этот завтрак приготовили на костре слуги Еврибиада.

Ливень прекратился около полуночи, но шторм на море продолжал бушевать, яростно обрушивая высокие мутные валы на береговые отмели и скалы.

Адимант, пришедший навестить Еврибиада, поведал ему о тех опасностях, через какие довелось пройти его кораблю во вчерашней битве. Триера «Кохлион», на которой Адимант держал свой командирский штандарт, была самой быстроходной среди коринфских триер. По этой причине, а также благодаря отличной морской выучке команды корабль Адиманта пребывал в самом пекле сражения, не получив ни одного серьезного повреждения. Адиманту удалось потопить одно вражеское судно и повредить еще пять кораблей Ксеркса.

«Кохлион» означает по-гречески «Спиральная раковина».

Еврибиад слабым голосом поблагодарил Адиманта за то, что его корабль вовремя подошел на выручку «Сатейре». Еврибиад беседовал с Адимантом, лежа в постели. На этом настоял его лекарь.

Тщеславный Адимант не скрывал горделивого самодовольства. Он был доволен тем, что ему удалось оказать помощь триере Еврибиада во вчерашнем сражении. Адимант надеялся, что Еврибиад будет помнить об этом на будущих военных советах и впредь не станет пренебрегать его мнением. Вслух об этом Адимант не сказал, но намек на это он все-таки сделал. Адиманту очень не хотелось, чтобы Еврибиад угодил под влияние Фемистокла.

От намеков Адиманта в душе Еврибиада появился горький осадок. Получалось, что Еврибиад теперь обязан Адиманту за поддержку в сражении, и, дабы не выглядеть неблагодарным, ему придется впредь считаться с мнением коринфского наварха.

Еврибиад вздохнул с облегчением, когда Адимант наконец удалился из его палатки.

Не прошло и получаса после ухода Адиманта, как к Еврибиаду наведалься эгинец Поликрит. Правая рука Поликрита была перевязана узкими льняными лентами от локтя до плеча. Он получил ранение во вчерашнем сражении, когда взбирался на палубу персидского судна. Триера Поликрита под названием «Никея», что значит «Победа», являлась самым крупным кораблем во всем эллинском флоте. Потому-то Поликрит сражался на равных с большими финикийскими триерами. Триера Поликрита пустила на дно один финикийский корабль, и еще одно финикийское судно было взято воинами Поликрита на абордаж.

На корабле, захваченном Поликритом, оказался влиятельный персидский военачальник Артохм, женатый на сводной сестре Ксеркса.

– Артохм сражался как бешеный, но мои удалыцы все же пленили его, – посмеиваясь, молвил Поликрит в разговоре с Еврибиадом. – Телохранителей Артохма пришлось всех перебить, они дрались отчаянно. Вся палуба захваченного персидского судна была залита кровью изрубленных варваров. Я сам чуть головы не лишился в той жестокой схватке!

– И все же, друг мой, ты вышел победителем, – не без зависти в голосе заметил Еврибиад. – Ты захватил большой вражеский корабль, взял в плен персидского военачальника. Эгинцы могут гордиться тобой!

Догадываясь, что именно гнетет Еврибиада, Поликрит ободряюще пожал ему руку.

– Флот Ксеркса еще не разбит, вчера мы лишь опробовали в деле нашу морскую тактику, – сказал он. – Решающие битвы с варварами еще впереди, друг мой. Так что воинской славы нам хватит на всех!

Глядя на входной полог, за которым скрылся Поликрит, торопившийся устранить все повреждения на «Никее» к концу этого дня, Еврибиад размышлял с мучительной досадой: «Да, полчища Ксеркса несметны, поэтому ратной славы хватит всем эллинам, взявшимся за оружие. Однако у спартанцев боевой славы должно быть больше, иначе зачем мы встали во главе общеэллинского флота и войска!»

Перед полуденной трапезой к Еврибиаду пришел Фемистокл, который сразу заговорил о том, насколько успешной была вчерашняя битва с вражеским флотом.

– Общие потери персов в шесть раз превосходят наши потери, – молвил Фемистокл, сидя возле постели Еврибиада. – Кроме того, одна лемноская триера покинула флот Ксеркса, перейдя на нашу сторону. Этой триерой командует знатный лемносец Антидор. В прошлом он не раз бывал в Афинах по торговым делам. Я хорошо его знаю.

– Думаешь, Антидору можно доверять? – спросил Еврибиад, глядя в большие, широко поставленные глаза Фемистокла.

– Вполне, – кивнул Фемистокл. – Антидор в душе ненавидит персов, ведь они убили его брата и племянника во время Ионийского восстания. Антидор горит желанием отомстить за них.

Фемистокл с торжеством на лице поведал Еврибаду также о том, что Антидор нарисовал на папирусе точную схему расположения персидских кораблей вдоль побережья Магнесийского полуострова. Фемистокл принес этот папирус с собой, показав его Еврибаду.

– Видишь, друг, на Магнесийском полуострове нет больших бухт, поэтому персы расположили свои суда вдоль пляжей и маленьких лагун, растянув их на большое расстояние, – говорил Фемистокл, тыча пальцем в карту. – Египетские корабли стоят на якоре недалеко от Сепиадского мыса. Финикийские триеры занимают бухту у Афет. Между ними расположились суда киприотов и памфилов, заняв все крошечные заливчики. К западу от Афет находятся стоянки ликийских кораблей, близ которых стоят карийские триеры, вытянутые на низкий песчаный берег. От Платанийского залива до мыса Гриба береговую линию занимают корабли ионийцев и эолийцев. А за мысом Гриба расположена стоянка киликийских судов. Таким образом, якорные стоянки персидского флота растянуты вдоль побережья Магнесии почти на шестьдесят стадий.

– И что нам это дает? – поинтересовался Еврибад, не понимая, куда клонит Фемистокл.

– Наш флот может внезапным ударом уничтожить вражеские суда, скажем, возле мыса Гриба и безнаказанно уйти восвояси, – ответил тот. – Персидские навархи при всем желании не смогут быстро собрать в кулак свои силы. А нападать на нас разрозненными отрядами кораблей персы не осмелятся.

– Иными словами, ты хочешь разбить флот Ксеркса по частям, действуя стремительными наскоками. – Еврибад покачал головой, внимательно разглядывая на папирусе карту Эвбейского пролива и побережье Магнесии. – Что ж, дружище, это дело верное. Как только стихнет буря, наш флот снова выйдет в море.

– Если ты не сможешь встать с постели, то могу я принять начальство над нашим флотом, – сказал Фемистокл, стараясь не смотреть в глаза Еврибаду. – В любом случае, друг мой, ты по-прежнему остаешься верховным навархом. И любая победа эллинов на море будет записана на твой счет.

Еврибад свернул папирус в трубку и протянул его Фемистоклу. При этом он произнес непреклонным голосом:

– Я буду участвовать в битве, даже если меня принесут на мой корабль на носилках.

Фемистокл взглянул на Еврибада с невольным уважением. Перед тем как удалиться, Фемистокл отвесил полулежащему на ложе Еврибаду почтительный поклон.

После полудня в эллинском стане запылали погребальные костры. Следуя своему обычаю, греки сжигали тела воинов, матросов и гребцов, павших во вчерашнем морском сражении. Не все убитые были доставлены на берег, несколько тел, упавших за борт в сумятице битвы, так и не были обнаружены. Сгоревший прах всех убитых эллинов было решено захоронить в общей могиле у подножия горы Телефрии.

По окончании траурной церемонии воины, гребцы и военачальники стали расходиться по своим становищам, разбросанным на морском побережье.

«Надо будет сказать Динону, чтобы в случае моей гибели мои бранные останки доставили в Спарту для захоронения», – думал Еврибад, направляясь в кипарисовую рощу, раскинувшуюся на взгорье рядом со станом афинян.

Все доблестные предки Еврибада были похоронены в Лакедемоне рядом с могилами древних спартанских царей. Род Еврибада считался одним из самых знатных в Спарте, мужчин из этого рода было принято погребать в отчей земле. Если же случалось так, что прах павшего воина из рода Эгидов невозможно было привезти в Спарту, тогда его родичи воздвигали каменный кенотаф, то есть пустую могилу. На каменной крышке кенотафа выбивалось имя знатного спартиата, погибшего вдали от отчизны, но память о котором должна была жить в сердцах его потомков.

Взойдя на холм, поросший деревьями и кустами, Еврибиад замер, словно статуя, закутавшись в свой красный плащ. Над его непокрытой головой раскачивались и гнулись под порывами ветра темно-зеленые стройные кипарисы. Перед его взором расстилалась свинцово-голубая морская гладь, покрытая пенными волнами, катившимися к берегу из глубины Эвбейского пролива. Темные тяжелые небеса, затянутые тучами, казались зловещими.

Еврибиад вдруг ощутил в себе трепет души и волнение духа, созерцая бурную морскую стихию, неподвластную людям с их честолюбивыми помыслами. Ему стало жутко: таким ничтожным казался он себе перед этими темными небесами и штормовым морем, которые сливались у горизонта в нечто единое и бескрайнее.

«Что со мной происходит? Неужели я робею? – думал Еврибиад. – Но перед чем?... Перед новой грядущей битвой или перед этой мрачной соленой водой, способной поглотить разом наш флот и все корабли Ксеркса?»

Еврибиаду было стыдно перед самим собой за свой страх перед морем. Он жаждал подвигов и был готов сражаться с персами на твердой земле, а не на качающейся палубе триеры. Привычный к тактике сухопутной войны, Еврибиад терял уверенность в себе всякий раз, поднимаясь на корабль. Гордый и честолюбивый Еврибиад был вынужден внимать советам людей, сведущих в морском деле, и общаться с ними как с равными. Но разве равен по рождению с Еврибиадом тот же Фемистокл, матерью которого была фракиянка. Сами афиняне за глаза называют Фемистокла нечистокровным эллином! Симбулей Динон всюду сует свой нос, смея оспаривать даже некоторые приказы Еврибиада. А ведь Динон родом из периеков и не имеет полных гражданских прав, в отличие от спартиатов. Однако Динон имеет навыки судовождения и морского боя, а значит, Еврибиаду приходится с ним считаться. По спартанским законам, сим булей Динон является его правой рукой.

«Коль мне выпал этот нелегкий жребий, я обязан привести эллинский флот к победе! – мысленно подбадривал себя Еврибиад. – Если я проиграю варварам битву на море, то мой отец никогда не простит мне этого. Моя жена и мой сын будут презирать меня. Многие мои друзья от меня отвернутся. Уж лучше утонуть в морской пучине, чем терпеть такой позор!»

Глава пятая. Подвиги Еврибиада

На рассвете следующего дня к мысу Артемисий подошла «Саламиния», священная триера афинян, которая использовалась ими как посыльное судно. Архитель, командир «Саламинии», сойдя на берег, сообщил эллинским навархам два радостных известия. Оказалось, что следом за «Саламинией» к Артемисию спешат пятьдесят три афинских корабля при полной оснастке и с воинами на борту. Это были триеры, находившиеся в стадии достройки в афинских доках, когда общегреческий флот отплыл от острова Эгина к Эвбейскому проливу.

Второй радостной вестью стало то, что двести персидских кораблей разбились у южной оконечности острова Эвбея во время недавнего шторма.

– Штормовые волны выбросили суда варваров на скалы близ Герестейского мыса, все побережье в той местности усеяно корабельными обломками и трупами персов, – рассказывал Архитель обступившим его греческим военачальникам. – Мой корабль побывал там. Я лично могу засвидетельствовать, что ни один из варварских кораблей не спасся. Разгневанный Посейдон не пропустил вражеский флот к Еврипу!

Военачальники обнимали Архителя и трясли его за плечи, переполняемые радостными эмоциями. Фемистокл же назвал Архителя вестником счастливой Судьбы. «Похоже, боги решили уравнивать морские силы Ксеркса с нашим флотом!» – заявил Фемистокл.

Прибежав в палатку Еврибиада, Фемистокл поведал тому о гибели двухсот вражеских кораблей у мыса Герест и о подходе к Артемисию большого отряда аттических триер.

Еврибиад выслушал Фемистокла с непроницаемым лицом, хотя в глубине души он возрадовался этому как мальчишка.

– В таком случае отступление к Еврипу отменяется, – сказал Еврибиад. – Покуда персидские навархи не прознали о печальной судьбе своих триер, отправленных вокруг Эвбеи в наш тыл...

– Нужно ударить по флоту Ксеркса, стоящему у побережья Магнесии, – воскликнул Фемистокл, прочитавший мысль Еврибиада. – Клянусь Зевсом, момент для этого подходящий, ведь суда варваров наверняка сильно потрепало вчерашним штормом. – Фемистокл развернул папирус с изображенной на нем картой стоянок персидского флота. – Предлагаю совершить нападение на отряд киликийских кораблей, занимающих бухту у самой горловины Пагасейского пролива. От других стоянок персидских судов киликийцев заслоняет скалистый мыс Гриба. Если наши триеры подкрадутся незаметно и внезапно обрушатся на киликийские корабли, то прочие варвары не успеют прийти к ним на помощь.

– Обсудим это на совете, – промолвил Еврибиад.

Как верховный наварх, Еврибиад мог бы своим приказом объявить по эллинскому флоту о выступлении к стоянке киликийцев, не собирая прочих навархов на совет. Однако Еврибиаду хотелось узнать мнение всех эллинских военачальников, увидеть, полны ли они решимости совершить эту дерзкую атаку. Еврибиад сознавал, что если все же флот варваров успеет на подмогу к киликийцам, тогда эллины окажутся в крайне невыгодном положении. Они будут отрезаны от мыса Артемисий, им придется сражаться в полном окружении.

Фемистокл, первым взявший слово, кратко и дельно изложил план нападения на стоянку киликийцев, обрисовав все выгоды этого замысла. Почти все навархи одобрили предложение Фемистокла. Против выступил лишь коринфянин Адимант.

– На прибрежных скалах у персов расставлены дозорные, – сказал Адимант, – поэтому нашему флоту не удастся подойти незаметно к мысу Гриба. Даже если нам удастся уничтожить суда киликийцев, на обратном пути к мысу Артемисий на нас может навалиться весь флот Ксеркса.

– Война без риска не бывает, друг мой, – промолвил Еврибиад, тем самым выражая свою поддержку Фемистоклу. – Тем более война на море.

Правда, Еврибиад внес поправку в план Фемистокла, объявив, что впереди пойдут спартанские и эгинские триеры. Афинским кораблям Еврибиад отвел место на флангах. Центр боевого построения он уступил коринфянам, в арьергарде поставил все прочие эллинские триеры.

По первоначальному плану Фемистокла спартанские и эгинские корабли должны были находиться в центре вместе с коринфскими судами, афинские же триеры должны были располагаться в голове и на флангах.

Фемистокл ни словом не возразил Еврибиаду, понимая, что тому не терпится оказаться на острие атаки.

Когда началось обсуждение относительно судьбы пленников, то Адимант предложил перебить их, а Фемистокл настаивал на отсылке в Коринф, где заседает совет из представителей тех греческих государств, кои объявили войну Ксерксу.

И опять Еврибиад поддержал Фемистокла, к неудовольствию Адиманта. Отсылкой пленников в Коринф Еврибиад хотел показать представителям Спарты в Синедрионе, что при его главенстве эллинский флот добился кое-каких успехов на море.

Знатных пленников без промедления отправили на «Саламинии» в Коринф.

С утра море было спокойно, но над западными горами собирались мрачные тучи, а это говорило о том, что погода может испортиться.

Всех прочих пленников эллины уступили эвбейцам, которые угнали их в каменоломни, расположенные в центральных областях острова.

Во второй половине дня был дан трубный сигнал садиться на корабли и выходить в море.

Еврибиад вышел из палатки, облаченный в боевой наряд, с мечом при бедре и с копьем в руке. Слуга-илот нес за ним его шлем и большой красный щит. Лекарь успел торопливо сунуть Еврибиаду чашу с каким-то целебным снадобьем, которую тот осушил на ходу. Несмотря на то что Еврибиад держался уверенно и прямо, по его бледному лицу было видно, что он недомогает.

Косые лучи низкого вечернего солнца заиграли яркими бликами на медном панцире Еврибиада и на его бронзовых поножах, едва он вышел из тени деревьев на широкий галечный пляж. Спартанские триеры уже были спущены на воду. Там, где матросы и гребцы толкали суда к линии прибоя, на низком пляже отпечатались борозды от корабельных днищ и килей.

Направляясь к высоко загнутой корме «Сатейры», Еврибиад столкнулся с симбулеем Дином. Тот негромко бросил Еврибиаду:

– Если тебе худо, дружище, оставайся на берегу. Я поведу в сражение наш флот.

– Хочешь украсть у меня победу? – криво усмехнулся Еврибиад перед тем, как покрыть голову шлемом. – Не выйдет, приятель. Знай свое место, перизк.

Обиженно поджав губы, Динон зашагал прочь. Его триера покачивалась на воде рядом с флагманской триерой Еврибиада.

Какое-то время эллинский флот двигался на запад вдоль побережья Эвбеи. Корабли шли на веслах под переливчатые мелодии флейт, выстроившись тремя длинными вереницами. Поравнявшись с Гемейскими скалами, вершины которых были облиты розоватым сиянием вечерней зари, «Тритогенея», судно Фемистокла, повернула резко на север. Маневр «Тритогенеи» повторяли все афинские триеры, идущие за ней в кильватерном строю. Точно так же поворачивали к северу все прочие эллинские суда, тоже растянутые в кильватерные колонны, одну из которых возглавляла триера Еврибиада, а другую – черный корабль Адиманта.

Пересекая темно-лиловые воды широкого Эвбейского пролива, эллинские корабли ускорили ход.

На середине пролива волнение моря было гораздо сильнее. Пенистые волны, налетая на темно-красный борт «Сатейры», обдавали гребцов высокими брызгами. Нос корабля то взлетал высоко вверх, преодолевая очередную волну, то проваливался резко вниз, когда судно скатывалось в ложбину между двумя волнами. Борты и внутренние переборки «Сатейры» жалобно скрипели под натиском морской стихии.

В беспокойную погоду Еврибиад всегда чувствовал себя неважно на корабле, его начинало мутить, появлялась предательская дрожь в руках и ногах. Однако на этот раз Еврибиаду стало так плохо, что он спустился под палубу и, не снимая панциря, прилег на ложе в кормовой каюте. В голове у Еврибиада шумело, из его горла лилась рвота.

«Скоро начнется сражение с варварами, а я расклеился, как беременная баба! – злился на себя Еврибиад. – Представляю, что сказал бы мой отец, увидев меня в таком виде!»

По палубе над головой Еврибиада топали ноги матросов, до него долетали громкие команды кормчего Фрасона и келевста Клеандра. Еврибиад невольно позавидовал им, таким выносливым и неприхотливым! В отличие от Еврибиада, они никогда не страдали морской болезнью.

Еврибиад с горечью был вынужден признать, что даже очень сильный физически человек, оказавшись на корабле в бурном море, может свалиться с ног из-за морской болезни. А такие люди, как Фрасон и Клеандр, будут чувствовать себя замечательно при любом шторме, хотя оба не отличаются крепостью тела. Еврибиад полагал, что причина этого кроется в самой морской стихии, непредсказуемой и своенравной. Кого-то море принимает, а кого-то нет.

Лежа на постели, Еврибиад чувствовал, как тошнота раз за разом подступает к его горлу. Еврибиад пил воду, старался дышать глубже, но дурнота не отступала.

Внезапно открылась квадратная крышка люка и сверху прозвучал громкий голос Фрасона:

– Показался мыс Гриба! Прямо по курсу сторожевые суда варваров!

Собрав всю волю в кулак, Еврибиад выбрался на скользкую палубу, омытую струями морской воды. Оглядевшись, он обнаружил, что эллинский флот уже перестроился на ходу из кильватерных колонн в боевой ромбовидный строй. Совсем недалеко маячил мрачный мыс Гриба в обрамлении пенного прибоя, над его скалистыми утесами кружили белые чайки. Чуть дальше к северу возвышались отвесные скалы прибрежного хребта на Магнесийском полуострове.

– Вон они! – Фрасон указал рукой на четыре темных корабля, которые лавировали по волнам, ловя ветер в распушенные паруса. – Это дозорные корабли киликийцев. Уходят к бухте, чтобы предупредить своих об опасности.

Палуба под ногами Еврибиада ходила ходуном, поэтому он схватился рукой за борт.

– Варваров надо настичь! – крикнул он кормчему.

Фрасон отдал команду матросам, и те мигом поставили паруса. Ветер крепчал, поэтому «Сатейра» буквально полетела по волнам, срезая их верхушки своим медным тараном и поднимая фонтаны брызг. Еврибиад увидел, что «Тавропола», триера симбулея Динона, тоже оделась белыми парусами и заметно ускорила ход. «Тавропола» шла борт о борт с «Сатейрой», чуть приотстав от нее.

Стоящий на корме «Таврополы» Динон жестами рук показал Еврибиаду, мол, не тебе, сухопутному вояке, тягаться со мной в морском бою!

«Гнусный перизк! – мысленно вознегодовал Еврибиад. – Тебе не превзойти меня воинской славой, собачье отродье!»

«Сатейра» и «Тавропола», вырвавшись вперед, быстро оторвались от эллинского флота.

Еврибиад дрожал от нетерпения, видя, что «Сатейра» вот-вот настигнет один из вражеских кораблей. «Тавропола» приотсталла от «Сатейры» всего на полкорпуса, воины во главе с Диноном сгрудились на носу триеры, готовясь ринуться на abordаж.

– Вижу сигнал на корабле Фемистокла! – раздался голос Фрасона.

Еврибиад оглянулся, отыскивая глазами афинские корабли. Они изрядно отстали, поскольку продолжали идти на веслах, как и весь эллинский флот. Триера Фемистокла была самая большая и находилась во главе боевого строя. Над кормой «Тритогеи» трепетал на шесте длинный бело-красный вымпел. Это означало: «Принимаю начальство над флотом!»

Еврибиад не рассердился на Фемистокла, сознавая, что тот поступает правильно. Ведь Еврибиад вполне мог погибнуть, погнавшись с двумя триерами за четырьмя вражескими кораблями.

Вражеское судно, почти настигнутое «Сатейрой», внезапно убрало парус и совершило резкий разворот назад, двинувшись на веслах прямо на «Таврополу», целя тараном ей в борт. Кормчий на «Таврополе» не растерялся и сумел увести свой корабль от опасного сближения с вражеской триерой. Кренясь на правый борт, «Тавропола» описала полукруг по волнам и под дела тараном корму вражеского судна, сломав оба рулевых весла. Потеряв управление, корабль киликийцев сбавил ход. Еще через несколько мгновений «Тавропола» совершила очередной таранный удар по вражескому судну, расколов его пополам.

Еврибиад с восхищением глядел на быстрые маневры «Таврополы», завершившиеся потоплением киликийского судна. Крики тонущих варваров нисколько не трогали Еврибиада.

За мысом Гриба волнение моря было значительно слабее, поскольку скалистые утесы на нем принимали на себя порывы восточного ветра.

Впереди открылся широкий проход в бухту, где стояли на отмели длинные ряды киликийских триер. Укрытая от волн и ветров высокими скалами, эта бухта, несомненно, являлась самой удобной стоянкой в западной части Магнесийского полуострова.

Жестокая радость разыгралась в сердце Еврибиада, когда «Сатейра» вздрогнула от носа до кормы, с глухим скрежетом протаранив вражеский корабль с черно-белым парусом на мачте. К этому моменту матросы на «Сатейре» убрали паруса. Гребцы навалились на весла после зычного возгласа Клеандра, повелевшего им дать задний ход. «Сатейра» подалась назад и, совершив поворот, устремилась вдогонку за другим киликийским судном, подгоняемая дружными взмахами весел. Протараненный «Сатейрой» вражеский корабль стал стремительно погружаться в морскую пучину и уже через минуту скрылся из глаз, оставив на пенной поверхности моря небольшой водоворот, в котором плавали обломки досок, весел и гребных скамеек. Оказавшиеся в воде киликийцы пытались спастись вплавь, благо до мыса Гриба было недалеко.

У самого входа в бухту «Сатейра» настигла еще один вражеский корабль, прижав его бортом к мели. Киликийцам ничего не оставалось, как сражаться. Они скопом ринулись на палубу «Сатейры», громко вопя и размахивая оружием. Эллы приняли их на копья, мигом образовав боевую шеренгу.

Забыв про свое недомогание, Еврибиад яростно колол врагов копьем, а когда копье сломалось, то выхватил из ножен короткий меч. Свалив ударом по голове киликийского военачальника в чешуйчатом блестящем панцире, Еврибиад невольно пошатнулся, когда под днищем «Сатейры» прокатилась морская волна. В этот миг кто-то из киликийцев ударил Еврибиада дротиком в правый бок, пробив панцирь. Острые дротика застряло между ребрами Еврибиада, причиняя ему сильную боль.

Два спартанских гоплита заслонили Еврибиада щитами, давая ему возможность отойти назад. Однако Еврибиад не собирался отсиживаться в стороне. Он попытался выдернуть дротик из раны, но бронзовый наконечник дротика, погнувшись при ударе в панцирь, прочно засел между ребер. Тогда Еврибиад, скрипя зубами от боли, обломил древко дротика и снова бросился на врагов.

Очень скоро меч в руке Еврибиада окрасился кровью по самую рукоять. Сраженные им киликийцы так и падали на доски палубы, кто с перерезанным горлом, кто со вспоротым животом, кто с отрубленной рукой...

Еврибиад не заметил, как оказался на палубе вражеского судна, куда переместилось сражение. Киликийцев было много, но выстоять против спартанцев они не могли. Уцелевшие варвары стали бросаться с корабля в море, утратив мужество. Киликийский корабль оказался в руках греков.

Оставив на захваченном вражеском судне четверых матросов, Еврибиад повел «Сатейру» на подмогу к «Таврополе», которая тоже сцепилась бортом с четвертым из дозорных киликийских кораблей. Варвары уже одолевали команду «Таврополы», когда на них обрушились воины во главе с Еврибиадом. «Сатейра» подошла к киликийскому судну с другого борта. Таким образом, две спартанские триеры взяли неприятельский корабль как бы в тиски.

Все варвары были перебиты и выброшены за борт.

– Это тоже твой трофей, дружище, – сказал Динон Еврибиаду, жестом указывая ему на захваченное вражеское судно. – Без твоей помощи мне было бы не взять эту добычу. Клянусь Посейдоном, ты подоспел вовремя!

Еврибиад чуть заметно улыбнулся, польщенный похвалой Динона. Он держался прямо и разговаривал с симбулеем ровным голосом, хотя острое дротика, засевшее у него в боку, причиняло ему мучительную боль. Увидев обломок дротика, торчащий из тела Еврибиада, Динон стал уговаривать его поскорее спуститься в каюту и перевязать рану.

– Пусяки! – отмахнулся Еврибиад. – Рана не смертельная, и кровь почти не течет. Я не могу отлеживаться, когда эллины сражаются с варварами!

Самообладание и мужество Еврибиада произвели сильное впечатление не только на Динона, но и на Фемистокла. Эллинский флот, ворвавшийся на стоянку киликийских судов, отрезал варварам все пути отступления по морю. Сражение с киликийцами развернулось на суше среди их шатров и горящих костров. Еврибиад отличился и в этой битве, всякий раз появляясь во главе спартанских гоплитов там, где сопротивление киликийцев оказывалось наиболее упорным. Еврибиад получил еще одну рану стрелой в бедро, но не покинул боевой строй. Разбитые наголову киликийцы рассеялись среди окрестных холмов и гор, поросших чахлыми соснами.

Эллины подожгли киликийские корабли и в сгустившихся сумерках спешно отплыли к мысу Артемисий.

Глава шестая. Битва на рассвете

Лекарь Зенон озабоченно хмурил брови, врачуя раны Еврибиада при свете двух масляных ламп, озарявших внутреннее пространство палатки мягким желтоватым светом. Ловкие пальцы Зенона сначала извлекли обломок стрелы из бедра Еврибиада, забинтовав кровоточащую рану тугой повязкой. С наконечником дротика, застрявшим между ребер Еврибиада, Зенону пришлось изрядно повозиться. Видя, что Еврибиад без стоны выносит сильнейшую боль, Зенон признался ему, что пациента со столь железной выдержкой у него еще не было.

– Неужели все спартанцы такие стойкие? – молвил Зенон, смывая кровь со своих рук над медным тазом с водой. Он был родом с острова Эгина.

– Можешь в этом не сомневаться, друг мой, – ответил Еврибиад, лежащий на постели с закрытыми глазами. – Спартанцев с юных лет приучают без стоны выносить любую боль. И меня в свое время не раз секли розгами у алтаря Артемиды Орфии. Как видишь, мне это пошло на пользу.

Зенон лишь хмуро покачал головой, собирая в кожаный мешочек свои врачебные принадлежности. Ему был известен этот суровый обычай лакедемонян, согласно которому спартанские юноши обязаны приносить свою кровь на алтаре Артемиды Орфии. Жрецы секут юношей розгами так сильно, что кровь брызгает с их обнаженных тел на алтарь богини. При этом юные спартанцы не должны издавать ни стоны, ни вскрика, иначе их жертва будет негодна Артемиде Орфии.

Дав выпить Еврибиаду сонного снадобья, Зенон удалился. Его ждали другие раненые в становищах афинян, коринфян, эвбеян и пелопоннесцев. Зенон был лучшим врачом в эллинском войске.

Этой ночью Еврибиаду приснилась Горго, жена царя Леонида. Еврибиад был дружен с Леонидом, поскольку вместе с ним вырос. Они и по возрасту были одногодками. Изначально Леонида не прочили в цари Спарты, поскольку эфоры и старейшины признавали право на царский трон Агиадов за Клеоменом, старшим братом Леонида. Клеомен и стал царем Лакедемона. Леонид же и другой его брат Клеомброт прошли все ступени сурового спартанского воспитания в илах и агелах как рядовые граждане.

Илами называются в Спарте отряды детей в возрасте от семи до пятнадцати лет. Мальчики в этих отрядах живут и учатся без родительской опеки, но под наблюдением воспитателя-иларха. В илах детей обучают чтению, письму и счету. Хотя главный упор делается все же на их физическую подготовку.

С пятнадцати до восемнадцати лет юные спартанцы постигают школу мужества в агелах, более крупных отрядах, организованных по военному образцу. В этом возрасте юношей начинают обучать владению оружием, умению незаметно подкрадываться, терпеть голод, холод и жару. Их приучают ходить обнаженными в любую погоду, поэтому им на все лето выдают лишь грубые сандалии и плащ. Во главе каждой агелы стоит наставник-агелат. Как правило, это или бывший военачальник, или воин, вышедший в отставку по увечью.

Еврибиад и Леонид выросли бок о бок сначала в одной иле и агеле. Затем, став эфебами, они тоже вместе вступили в эномотию, боевое подразделение спартанского войска. Эномотия насчитывает сорок воинов, являясь составной частью пентекостии, состоящей из четырех эномотий. В свою очередь, пентекостия является частью лоха, в котором насчитывается от восьмисот до тысячи гоплитов. Спартакское войско имело в своем составе пять лохов.

Клеомен в силу чрезмерной властности своего нрава задумал совершить в Лакедемоне государственный переворот. Клеомен тяготился властью эфоров и старейшин, вознамерившись стать единоличным правителем в Спарте. Опираясь на войско, Клеомен собирался перебить своих противников среди спартанской знати, а затем навсегда отменить эфорат. Знатней-

шие из спартанцев, в свою очередь, тоже составили заговор против Клеомена и убили его. Переворот не состоялся.

Таким образом, трон Агиадов неожиданно освободился для Леонида, шедшего по старшинству сразу за Клеоменом. Леонид пользовался авторитетом в спартанском войске, в рядах которого он служил с восемнадцати лет. К тому же Леонид не одобрял дерзкий замысел Клеомена.

Леонид был уже женат, когда вдруг стал царем. Однако эфоры принудили Леонида развестись с первой женой и взять в жены юную Горго, дочь Клеомена. По эллинскому обычаю, брак между дядей и племянницей считался кровосмесительным, а потому недопустимым. Но знать Спарты преступила этот обычай, насильно сочетав браком Горго и Леонида. У Горго был сильный и мстительный характер, она была способна на любую крайность, лелея в душе месть за своего подло погубленного отца. Потому-то именитые спартиаты выдали Горго замуж за Леонида, понимая, что тот сумеет вовремя удержать племянницу от любого опасного шага.

Горго далеко не сразу полюбила Леонида как супруга. Поначалу в их отношениях было немало холода и недоверия. Лишь с рождением сына Плистарха в сердце Горго понемногу распустился цветок искренней любви к Леониду.

Еврибиад пробудился ранним утром от тревожного сигнала боевой трубы. В эллинском стане был слышен топот ног, лязг оружия, громкие возгласы военачальников... С трудом поднявшись с ложа, Еврибиад окликнул слуг, чтобы те помогли ему одеться. Еврибиаду было больно ступать на раненую ногу, сильно беспокоила его и рана в правом боку.

Чтобы взбодриться, Еврибиад окунул голову в чан с дождевой водой.

В палатку вбежал симбулей Динон, облаченный в воинские доспехи.

– Персидский флот приближается к мысу Артемисий! – выпалил Динон. – Похоже, варвары намерены дать решительное сражение. Фемистокл велел дать сигнал к битве. Афиняне уже спускают на воду свои триеры. Я сказал Фемистоклу, что он явно поспешил с призывом к сражению, ведь окончательное слово за верховным навархом.

Еврибиад выслушал Динона, вытирая мокрую голову льняным полотенцем. Затем он бросил угрюмым голосом:

– Динон, прикажи спартанскому трубачу подтвердить сигнал Фемистокла. Битва так битва! Ступай!

Выбегая из палатки, Динон едва не налетел на Адиманта, который тоже спешил к Еврибиаду.

– Друг мой, безумец Фемистокл отдал приказ нашему флоту выйти в море навстречу кораблям Ксеркса, которые снялись с якоря и приближаются к нам, – заговорил Адимант, не сдерживая своего негодования. – Персы неминуемо нас раздавят, надо спешно уходить к узкой горловине Эвбейского пролива. Надеюсь, ты согласен со мной?

– Нет, не согласен, – ответил Еврибиад, властным жестом повелев слугам принести его доспехи и оружие. – Флот Ксеркса за последние несколько дней понес большие потери. Полагаю, пришло время дать варварам решительную битву. Бежать от врага я не собираюсь!

– Но я же веду речь не о бегстве... – смутился Адимант. – Я же предлагаю встретить варваров в том месте Эвбейского пролива, где мы сможем сражаться с ними на равных.

В этот миг невдалеке раздался протяжный рев спартанской трубы, подающей сигнал к сражению.

– Слышал, Адимант? – проговорил Еврибиад, с помощью слуг облачаясь в панцирь. – Вот подтверждение моих слов. Торопись к своим воинам, дружище. И не заставляй меня усомниться в твоей храбрости.

Не прибавив больше ни слова, Адимант скрылся за дверным пологом.

Впервые в жизни воинское облачение показалось Еврибиаду невероятно тяжелым. Охваченный ознобом и дрожью в ногах, он бессильно опустился на стул. В голове у него шумело,

а во рту пересохло. Взяв из рук слуги-илота чашу с водой, Еврибиад жадно осушил ее до дна. Ему стало легче дышать, однако сил у него не прибавилось ни в руках, ни в ногах.

Лекарь Зенон, пришедший, чтобы сменить повязки на ранах Еврибиада, изменился в лице, увидев того, облаченного в доспехи, с мечом у пояса.

– Клянусь Асклепием, это безумие! – бурно запротестовал Зенон, подступив к Еврибиаду. – Наварх, тебе нельзя в сражение! Ты должен немедленно лечь в постель! У тебя могут воспалиться раны, может опять начаться кровотечение.

Еврибиад надел шлем на голову и встал, решительно отстранив лекаря в сторону.

– Глупец, разве бывало такое, чтобы спартанец отлынивал от сражения, – проворчал он, набросив на плечи красную хламиду.

– Ты можешь истечь кровью и умереть, – воскликнул Зенон, умоляюще протянув руки к Еврибиаду. – Послушай меня, наварх. Я же врач и знаю, что говорю.

Задержавшись на пороге палатки, Еврибиад обернулся к Зенону и твердым голосом произнес:

– Смерть в битве – это лучший жизненный исход для спартанца.

Зенон в отчаянии опустил руки, глядя на колышающуюся входную занавесь, за которой исчез Еврибиад.

На спешно собранном военном совете, происходившем под открытым небом, греческие военачальники внимали в основном Фемистоклу, излагавшему свое мнение относительно того, какой тактики надлежит придерживаться эллинам, чтобы выстоять против персов в грядущей битве. Фемистокл, как всегда, говорил с настойчивым пылом, тут же палкой рисуя на песке возможные варианты хода сражения, отвечая на реплики несогласных с его замыслом.

Сидящий на скамье Еврибиад, казалось, в мыслях пребывает где-то далеко: настолько отсутствующим был его взгляд. Навалившись спиной на ствол молодой пинии, нижние ветки которой едва не касались его спутанных волос, Еврибиад то и дело облизывал пересохшие губы. На его бледном лице, с темными кругами под глазами, застыло выражение полнейшего безразличия к тому, о чем говорил Фемистокл, и к тем опасностям, какие совсем скоро должны были обрушиться на эллинов вместе с флотом Ксеркса.

Всем военачальникам было известно, что Еврибиад страдает от ран, полученных им во вчерашней битве с киликийцами. Все военачальники были поражены тем, что Еврибиад нашел в себе силы облачиться в доспехи и прийти на совет. Все видели, что Еврибиад собирается участвовать в сражении, хотя еле стоит на ногах. И вот, слушая Фемистокла, навархи не спускали глаз с Еврибиада, ожидая, что он скажет. И передаст ли начальство над флотом Фемистоклу.

Закончив говорить, Фемистокл спросил у Еврибиада, каково будет его решающее слово.

– Твой тактический замысел хорош, друг мой, – с усилием вымолвил Еврибиад, чуть подавшись вперед и в изнеможении опершись на воткнутое в землю копьё. – Я согласен с твоим мнением. Поручаю тебе выстроить наш флот перед битвой. Настаиваю лишь на том, чтобы спартанские триеры заняли центр нашего боевого строя.

Адимант раздраженно выкрикнул, мол, в плане Фемистокла не все как следует продумано, в частности, у эллинов не будет возможности для маневра и для отступления.

– Нам придется победить или погибнуть! – воскликнул Адимант с трагическими нотками в голосе.

– Это лучший исход для любого сражения, – промолвил Еврибиад, бросив холодный взгляд на Адиманта.

– Я настаиваю на отступлении нашего флота к Гемейским скалам, – сказал Адимант, – время у нас еще есть. Еврибиад, сразившись с варварами у Гемейских скал, ты станешь победителем. Но приняв битву у мыса Артемисий, ты скорее всего погибнешь. Выбирай!

Вскочив со своего места, Адимант напряженно взирал на Еврибиада в ожидании его ответа. Замерли в молчании и все прочие навархи.

Еврибиад поднял глаза на Адиманта и улыбнулся. В этой улыбке отразилась вся его жизненная философия. «Я не боюсь смерти», – казалось, говорила эта улыбка. И при виде ее Адимант нахмурился, опустив взор.

– Итак, решено! – громко подвел итог Фемистокл. – Живо на корабли, друзья!

* * *

На востоке всходило солнце. Морская гладь отливала розовым сиянием в его лучах. Такими же розовато-пурпурными оттенками были расцвечены облака на юго-восточной стороне неба. Над Эвбейским проливом висела призрачная дымка. В прохладном утреннем воздухе далеко разносились любые звуки.

Эллинский флот, отчалив от берега, расположился в форме дуги недалеко от мыса Артемисий. Греческие триеры выстроились с таким расчетом, чтобы края этой дуги упирались в мели и подводные камни. Выпуклая часть этого боевого строя выдавалась в глубь пролива, откуда вот-вот должны были появиться корабли персов.

О том, что флот Ксеркса приближается, свидетельствовал шум от множества идущих на веслах судов, а также зловещий вой вражеских труб.

Эллинские триеры стояли двойным рядом, на них царила напряженная тишина. Воины, матросы и гребцы находились все на своих местах в полной готовности к сражению. Эллы понимали, что отступать им некуда: позади берег скалистого мыса, а перед ними обширный пролив, занятый множеством кораблей Ксеркса.

Туманная дымка, окутавшая Эвбейский пролив, вдруг наполнилась смутными очертаниями больших судов, надвигающихся широким фронтом. Высокие мачты и изогнутые носы вражеских триер, проступая из тумана, открывались взору эллинов ряд за рядом. Многие тысячи весел двигали вперед эту вражескую армаду. Увидев корабли эллинов, варвары подняли громкий крик, словно заранее торжествовали победу.

Еврибиад, находившийся на корме «Сатейры», пребывал в глубокой задумчивости. Кормчий Фрасон что-то говорил Еврибиаду, указывая рукой на суда варваров. Еврибиад не слушал его, занятый мыслями о царице Горго, привидевшейся ему во сне.

Горго приснилась Еврибиаду в том одеянии, в каком она провожала царя Леонида в поход к Фермопилам.

Еврибиад полагал, что Горго неспроста посетила его во сне. И мольбы Горго, обращенные к нему, встревожили Еврибиада.

«Горго умоляла меня оказать помощь Леониду, которому, по ее словам, грозит гибель, – размышлял Еврибиад. – Горго чуть не плакала, говоря мне об этом. Это явно вещий сон! Леониду и его воинам грозит в Фермопилах какая-то беда!»

На палубу «Сатейры» посыпались вражеские стрелы: передовая линия персидских кораблей уже сблизилась с эллинским флотом на выстрел из лука. Подхватив прислоненный к борту щит, Еврибиад перешел с кормы на носовую часть триеры, где стояли его гоплиты, поднимая щиты над головой. «Сатейра» находилась во второй линии греческих триер, поэтому до нее долетали лишь отдельные стрелы с кораблей варваров. Большая часть персидских стрел с гудением и свистом обрушивалась раз за разом на греческие суда в передней боевой линии.

На носках вражеских триер красовались высеченные из дерева головы коней и круторогих быков, оскаленные львиные пасти, морды крокодилов с длинными рядами острых зубов... Теснившиеся на носовых площадках палуб варвары блистали позолотой на шлемах и панцирях, потрясая дротиками и узкими прямоугольными щитами, обитыми кожей. На финикийских и египетских кораблях гребцы были скрыты под дощатым навесом, являвшимся продолжением

палубы. На небольших судах памфилов гребцы находились внизу, под палубой. На триерах ионийцев и эолийцев ряды гребцов были защищены от стрел навешанными на борта кожаными покрывалами, которые называются «параблемата», то есть «кожаные щиты».

Варвары недолго медлили, охватив плотным полукругом небольшой эллинский флот. Первыми ринулись в атаку египетские суда, а за ними следом устремились на эллинов грозные финикийские триеры с высокими черными бортами, с таранами в виде бронзовой бараньей головы. Вскоре весь персидский флот вступил в сражение, стремясь прорвать строй эллинских триер.

Это была очень яростная битва. Варвары, раздосадованные своими недавними неудачами, стремились смять и уничтожить корабли эллинов, которым некуда было бежать. Столкновения персидских и греческих триер напоминали боданье рассвирепевших быков. У персов не было возможности таранить эллинские триеры в борт, поскольку те стояли тесным строем, устремив на врага свои тараны. Персидские суда шли на греческие корабли лоб в лоб, сталкиваясь с ними и пытаясь оттеснить назад, дабы в эту брешь могли втиснуться суда варваров из второй и третьей линии. Там, где персам удавалось вклиниться в боевые порядки эллинов, палубы близко стоящих кораблей превращались в поле битвы. Где-то варвары захватывали в abordажной схватке эллинскую триеру, где-то эллинам сопутствовала удача в бою, и в их руки попадал персидский корабль. Убитые и раненые с обеих сторон во множестве падали за борт и шли на дно; некоторые из бездыханных тел волнами выносило на галечные пляжи мыса Артемисий.

Сражение продолжалось до полудня; когда персы уже начали одолевать эллинов, погода вдруг испортилась, задул сильный юго-восточный ветер, поднявший большую волну в проливе. Скученные суда варваров начали сталкиваться бортами, у них ломались весла и реи. Боевой строй персидских кораблей нарушился. Персидские трубы дали сигнал к отступлению. Флот Ксеркса вернулся на свои стоянки у побережья Магнесии.

Персы потеряли тридцать кораблей, эллины – шестнадцать триер.

Глава седьмая. Аброник, сын Лисикла

По склонам холмов шумят на ветру сосны и платаны. Горячее солнце скатилось в оранжевое вечернее марево над далекими горами Фтиотиды. Свинцовые волны одна за другой накатываются на низкий берег, обдавая брызгами вытщенные на сушу греческие триеры.

Адимант шел вдоль кромки прибоя, кутаясь в плащ. Его лицо было усталым и мрачным. Адимант только что осматривал повреждения на своей триере, полученные в утреннем сражении с персидским флотом. Ему было ясно, что устранить эти пробоины в корпусе судна на скорую руку не удастся. «Кохлион» остается на плаву, но не сможет быстро двигаться и маневрировать.

«Теперь ни догнать противника, ни уйти от него мне не удастся! – угрюмо думал Адимант. – А безумный Фемистокл собирается завтра дать персам новое сражение! Его нисколько не заботит то, что у нас повреждено больше восьмидесяти триер!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.